

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

НАРОДНЫЙ
МСТИТЕЛЬ

Антикор

Кирилл Казанцев
Народный мститель

«ЭКСМО»

2011

Казанцев К.

Народный мститель / К. Казанцев — «Эксмо»,
2011 — (Антикор)

Алекс, сын генерала ФСБ, – типичный представитель «золотой молодежи». Это значит, что закон ему не писан. Жестокий, наглый, самоуверенный, он обожает гонять по ночам «под кайфом» на своем «мерине». И вот как-то на московской ночной улице Алекс сбивает женщину с годовалым ребенком. Впрочем, не в первый раз: и раньше отпрыск высокопоставленного начальника сбивал людей, но всегда выходил сухим из воды. Терпение у людей лопнуло. Наказать сыночка и влиятельного папашу берется тайная организация по борьбе с коррупцией под руководством генерала Дугина. А исполнителем наказания, как всегда, будет лучший боевик «Антикора» Андрей Ларин...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кирилл Казанцев

Народный мститель

Глава 1

К полуночи дождь стих и превратился в густую водяную взвесь, заполнившую все пространство над московской окраиной. Фонари и светящиеся в домах окна напоминали мутные желтые одуванчики с белесым искрением в середине. Редкие машины вспарывали огромные лужи, словно торпедные катера.

Черный, с антрацитовым отливом мерседесовский внедорожник «Гелендваген» словно материализовался в полуночной тьме. Этот автомобиль ничем не отличался от тысяч своих московских собратьев, если бы не элитный тюнинг от «Brabus» да талон-«вездеход» на лобовом стекле.

Вырулив на широкий проспект, внедорожник мгновенно прибавил ходу и с влажным шелестом понесся прямо по осевой разделительной, проскакивая на желтый и кренясь на поворотах. Около станции метро водитель заложил лихой вираж, рванул под «кирпич», нагло подрезал «Скорую помощь» и скрылся в переулке. Попетляв по близлежащим кварталам, «Гелендваген» остановился на паркинге возле круглосуточного супермаркета. Из-за руля неторопливо вылез молодой человек, напоминавший героев попсовых клипов. Стильные клубные шмотки, развязные манеры и специфический прищур говорили о том, что юноша принадлежит к так называемой «золотой молодежи», а нездоровый лихорадочный блеск в глазах – о некоей неадекватности.

– Ну что, Маргоша, может, тут и затаримся? – поинтересовался юноша у миниатюрной блондинки с волосами цвета платины. Она была похожа на красивую фарфоровую куклу.

Блондинка вышла из салона и подозрительно взглянула на ярко освещенный вход в супермаркет.

– Тут только местное быдло своей водярой отоваривается, – предположила она и удивленно уставилась на водителя. – Алекс, я ва-а-ще от тебя в шоке. Что это вообще за район? Куда ты меня привез? Это что, где-то за МКАДом?

– Какая-то окраинная микрага. Гетто для лохов, – непонятно почему развеселился Алекс. – Давай тут закупимся – и на дачу, будем до утра зависать. В центр я тебя уже не повезу.

Блондинка Маргоша осмотрелась с явной опаской. Тут, в спальном микрорайоне, не было ни витрин роскошных бутиков, ни привычного блеска рекламы, ни вызывающе дорогих лимузинов. Дождливая ночь, кое-где вспоротая огнями желтых фонарей, тишь и пустота на улицах, редкие освещенные окна в высотках... Со ступенек супермаркета, задумчиво кренясь, спулся пожилой бомж с огромным рваным пакетом. У мусорных контейнеров, возвышавшихся за рядами припаркованных машин, дрались и кричали коты. Ветер гнал по блестящему от дождя асфальту рваный целлофан, обрывки газет, катал пустые банки из-под пива. Неожиданно где-то совсем рядом истошно взвыла автомобильная сигнализация, и девушка опасливо поежилась.

– Одна я туда ни за что не пойду, – упрямо поджала губы она. – Мало ли что там еще... Давай сходим вместе, иначе никакой дачи.

– Вот какие же теперь подруги капризные пошли! – Молодой человек немного поколебался, нащупал в кармане портмоне и взял Маргошу под руку. – Ладно, давай... Плачу за все!

Из супермаркета они вышли минут через двадцать, нагруженные пакетами, уселись в салон, забросили покупки на заднее сиденье. Молодой человек, однако, не спешил уезжать с паркинга.

– Ну, за продолжение нашего вечера! – Повеселевшая Маргоша лихо скрутила с бутылки виски пробку, глотнула, утерла влажный рот тыльной стороной руки и, подумав, протянула бутылку Алексу: – Глотнешь немного? Давай, за знакомство!

Тот загадочно улыбнулся.

– Ты уж извини, беби, но алкоголь – это забава для лохов.

Ухоженная рука извлекла из автомобильного CD-чейнджера диск, высыпала на него немного белого кристаллического порошка. Алекс вставил в ноздрю соломинку для коктейля, засопел, втянул в себя порошок, довольно зажмурился... Спустя буквально минуту зрачки водителя «Гелендвагена» превратились в микроскопические черные точки.

– Вот такими треками надо расслабляться! – Молодой человек аккуратно отложил диск с соломинкой, откинулся на подголовник, расплылся в довольной улыбке.

– А если менты? – наморщила лоб Маргоша, неторопливо отхлебывая из бутылки.

Предположение необычайно развеселило Алекса.

– Ты чего, какие менты? Посмотри, на какой тачке я езжу! С какими козырными номерами! Да и не забывай, кстати, кто у меня папа. Мне вообще можно все! Вообще по жизни. Догоняешь, про что я?

Блондинка сделала большой глоток и опустила бутылку в кармашек на дверце.

– Вау! И кто у нас папик?

– Большой человек, – со значением кивнул юноша. – Один из самых авторитетных в Москве, а значит, и во всей России. А больше тебе знать о нем необязательно.

– Он у тебя тоже коксом за рулем долбится? – с дурашливым смешком уточнила Маргоша. Она уже была сильно под градусом, азарт ночной гульбы кружил ее, словно в водовороте.

– Нет, он человек старой закалки, только хорошую водку уважает. – Алекс закурил, но тут же выбросил сигарету из салона и мазнул красноречивым взглядом по оголенным коленям Маргоши.

– Что, зачетно? – кокетливо спросила та.

– А давай прямо сейчас и начнем! – Нетерпеливая рука юноши тут же полезла под платье. – У меня тут сиденья на три пятнадцать раскладываются. Знаешь, какой суперский секс-содром? Еще и с подогревом!

– А-а-а-лекс, – барышня несмело убрала руку со своего колена. – Ну что мы как прыщавые малолетки из Южного Бутова? Ночью, в тесной машине, никакого комфорта... В душ потом и то не сходишь. Никакого кайфа от собачьего лайфа!

– Давай, давай, чика, не тупи, не маленькая. – Молодой человек бесстыдно задрал подол платья и запустил руку в белье девушки. – Будет хоть потом что вспомнить! Детям и внукам станешь рассказывать, как с самим Алексом в его тачке кувыркалась!

– Ну, давай лучше на да-аче, – несмело попросила блондинка. – Не люблю я так! Просто извращение какое-то...

– А я сказал – тут! – Рука молодого человека уже нагло стягивала с девушки белье.

По всему было видно, что в этот момент Алекса может остановить лишь мгновенная кастрация, но никак не вялые контраргументы спутницы.

– Ой! Больно! Зачем же щипаться? – Маргоша пронзительно взвизгнула, подхватила ридикюльчик и, путаясь в приспущенных трусиках, с неожиданной резвостью выскочила из салона.

– Стой! Стой, дура!

Молодой человек вылез из машины, но блондинка, поправляя на ходу сбившееся платье, уже бежала к стоянке такси рядом с супермаркетом.

– Дурак, садист, хам, – бросила она через плечо, – папочку своего пальцем в задницу трахай!

Убегая, Маргоша споткнулась на подвернувшемся каблуке, неловко растянулась в луже, но тут же вскочила и резво бросилась к ряду машин с желтыми фонариками на крышах.

– Жалеть потом будешь!

Алекс нервно плюхнулся за руль. Прищурился, размышляя, стоит ли ему догонять блондинку, и решил, что не стоит. Глаза его окончательно заиграли наркотическим мерцанием. Язык, щеки и гортань словно одеревенели, зато мир постепенно заиграл яркими красками. Перед внутренним взором завертелся гигантский калейдоскоп, переливаясь фантастическими картинками. Пространство мгновенно расслоилось на все цвета радуги, под черепной коробкой послышался приятный умиротворяющий гул. Калейдоскоп ритмично вращался, постепенно ускоряясь, и волшебные узоры сменяли друг друга со все возрастающей скоростью, пока не превратились в сплошную радужную круговерть.

Влажный ночной ветер раскачивал на столбе уличный фонарь, и лампочка в нем, видимо, догорала свой срок, потому что от рывков ветра фонарь то вспыхивал тревожным желтым светом, то гас. В какой-то момент Алексу начинало казаться, что он выплясывает на танцполе любимого клуба. Улыбнувшись чему-то, он лениво включил проигрыватель. Мощная аудиосистема мягко зашелестела, и жестяной короб машины заполнился рваным ритмом хип-хопа. Юноша откинулся на подголовник, с блаженной улыбкой осмотрелся вокруг и сфокусировал взгляд на стоянке такси.

Сквозь мельчайшую водяную взвесь было видно, что Маргоша поспешно усаживается в машину. Желтый «жигуль» плавно отчалил от тротуара и неторопливо покотил по пустынной улице, унося во влажную тьму красные огни габаритов.

Провожая взглядом такси, Алекс обратил внимание, что Маргоша за задним стеклом показывает ему вытянутый средний палец руки и шепчет что-то явно неуважительное, а может быть, даже и обидное.

В голове парня словно щелкнул какой-то тумблер. Недавнюю радужную эйфорию будто смыло волной, и в душе шевельнулся маленький желвачок озлобленности. Желвак этот стремительно увеличивался в размерах, грозясь превратиться в огромный гнойный нарыв.

– Все равно дашь, и прямо сейчас, как мне хочется! – Алекс упрямо поджал губы. – Мне еще никто никогда не отказывал!

Тем временем желтый «жигуль» с шашечками, развернувшись на перекрестке, поехал в обратном направлении. Судя по всему, Маргоша, с которой молодой человек полтора часа назад познакомился в ночном клубе «Pacha Moscow», жила где-то в центре. Алекс нервно провернул ключ зажигания – двигатель отозвался ровной, почти незаметной вибрацией. Белые точки фар вздулись конусами и развернулись круговыми лепестками во влажной тьме.

Чтобы выехать на проспект, следовало миновать длинный и темный двор между панельными многоэтажками – другого пути с паркинга просто не было. Нервно выворачивая руль, Алекс с трудом маневрировал в тесном пространстве, забитом машинами, словно жестяная банка шпротами. Выбравшись из двора, черный «Гелендваген» со свистом вылетел через арку дома, с трудом вписался в поворот, подпрыгнул на ухабе и с агрессивным ревом рванул в сторону улицы.

Краем глаза молодой человек заметил, что желтый «жигуль» только что свернул направо. «Гелендваген» наконец выскочил на проезжую часть. «Форд» с эмблемами ГИБДД на противоположной стороне улицы совершенно не смутил водителя. Развернувшись по сплошной полосе прямо перед носом дорожных инспекторов, он погнался за такси.

Поворот, вой двигателя, глухой шелест протекторов по разбитой мостовой, еще один поворот, пронзительный скрип тормозов, хаотичное движение белесых конусов фар, размытые тени на стенах... Черный джип с рокотом взлетел на горб путепровода, обогнал поздний автобус, проскочил под грохочущей аркой моста и выехал на тихую улицу.

Парень заметил желтый «жигуль» на перекрестке в двух кварталах от него – такси набирало скорость. И тут впереди моргнул красным глазом светофор. Алекс даже не обратил на это внимания. Наркотический азарт погони накрыл его с головой. Он притопил педаль газа и вывернул руль, чтобы сразу обойти такси справа.

Водитель «Гелендвагена» так и не понял, откуда перед капотом появилась молодая женщина с детской коляской. Он заметил ее лишь в самый последний момент. Женщина медленно, словно спросонья, повернулась к внедорожнику и застыла, будто парализованная: из темноты на нее летела горячая, стальная черная смерть. Последнее, что увидел Алекс, – ее изуродованное ужасом лицо, распахнутые глаза и разодранный в немом крике рот.

Женщина инстинктивно толкнула вперед коляску, чтобы ту не сбил вылетевший из темноты монстр, но в этот момент внедорожник безжалостно ударил и ее, и коляску бампером. В молочном сплосхе света водитель заметил отлетевшую в сторону туфлю и перевернувшуюся коляску. «Мерс» подскочил, переехав жертву двумя левыми колесами. От неожиданности Алекс выпустил руль. Машина тут же пошла по мокрому асфальту юзом, резко развернулась перпендикулярно дороге, и так и продолжила неуправляемое движение к тротуару, оставляя на асфальте двойной след протекторов. Лишь чудом не перевернувшись, тяжелый внедорожник с хрустом впечатался боковиной в троллейбусный столб.

В наступившей тишине было слышно, как тоненько стонет на переходе сбитая женщина, тревожно вибрируют троллейбусные провода, а на смятой в стиральную доску дверке с тихим треском лопаются и отслаиваются краски.

Из салона, придерживая дрожащей рукой разбитую голову, вылез водитель. Ни сбитая женщина, ни перевернутая детская коляска с выкатившимся ребенком не привлекли его внимания. Присев на корточки, Алекс печально осмотрел разбитый порожек и раскуроченную дверку, с удивлением взглянул на окровавленную ладонь, осторожно потрогал рану на голове и болезненно поморщился.

– Все из-за этой суки, – растерянно простонал он, уселся за руль со вздувшимся пузырем подушки безопасности и судорожно попытался завести заглухший было двигатель.

Однако скрыться с места происшествия ему не удалось. Из переулка выезжал ярко-оранжевый «МАЗ» с эмблемой одной из автоколонн города. Несомненно, водитель грузовика сразу все понял. Грамотно блокировав внедорожник, он выскочил из кабины, подбежал к водительской дверке «Гелендвагена» и, рванув ее на себя, вытащил Алекса за шиворот.

– Что, педрила, человека сбил и удрать захотел? – Амбал-води́ла в апельсиновой жилетке с разворота засадил владельцу «Гелендвагена» кулаком в ухо. – Стоять!

– Да я тебя, лошара, сейчас... – попытался было встать в позу Алекс, однако огромная лапища водителя тут же схватила его за воротник куртки.

– Да таких, как ты, на месте стрелять надо! – процедил шофер-трудяга, тяжело сопя.

Винючник ДТП дернулся, поднырнул под локоть водилы и нервными нессимметричными зигзагами помчался в сторону темного переулка.

– Стоять! – страшным голосом гаркнул водитель «МАЗа». – Стоять, мразина!

Бросившись за беглецом, амбал буквально в несколько секунд догнал его, опрокинул на асфальт и несколько раз с удовольствием ударил ногой в живот, вкладывая в удары всю силу классовой ненависти к «этим зажавшимся уродам». Затем схватил за шиворот, да так и поволок по асфальту к месту ДТП.

– Попробуешься удрать – догоню и убью на хрен! – Водитель «МАЗа» заглушил двигатель «Гелендвагена», забрал ключи зажигания и тут же побежал к сбитой женщине...

* * *

– По-моему, тут все ясно, – водитель патрульной машины ГИБДД взглянул на покореженный «Гелендваген» и перевел взгляд на напарника. – Владелец джипа приближался к пешеходному переходу. Ехал на недопустимо высокой скорости. Не пропустил женщину с детской коляской. Во всем виноват именно он.

– При условии, что женщина с коляской действительно переходила улицу на разрешающий сигнал светофора, – буркнул напарник. – А вообще пусть отдел дознания с экспертами разбираются. Наше дело проследить, чтобы до их приезда все оставалось как есть.

Чиркая по влажному асфальту сполохами проблескового маячка, патрульная машина остановилась рядом с реанимобилем, подъехавшим несколько минут назад. Рация на милицеевской волне то и дело выплевывала неразборчивую скороговорку и прерывистые шумы; перебивающие друг друга позывные и эфирные свисты создавали негромкий тревожный фон.

Наряд ГИБДД быстро оценил обстановку: осмотрели место ДТП, переговорили с врачами. Удивительно, но после страшной аварии женщина выжила – ее на носилках спешно грузили внутрь микроавтобуса с красным крестом. А вот ребенок в коляске, со слов врачей, погиб мгновенно – при падении он сильно ударился головкой об асфальт. Сам же владелец мерседесовского джипа стоял чуть поодаль, держась рукой за разбитую голову. За его спиной возвышался широкоплечий амбал. Водитель самосвала явно следил, чтобы виновник происшествия вновь не попытался скрыться.

Реанимобиль с покалеченной женщиной и мертвым ребенком умчался в больницу. Инспекторы споро перекрыли движение, направив машины по параллельной улице. Амбал, грубо удерживая владельца «Гелендвагена» за шиворот, обернулся к старшему экипажа.

– Я все видел, как раз во-он из того переулка выезжал. Могу дать показания. Кстати, этот сукин сын попытался скрыться...

– Это ваш самосвал? – довольно вежливо поинтересовался инспектор. – Отпустите гражданина. Идите в кабину, вас пригласят, если потребуется. А вы, молодой человек, покажите водительское удостоверение и техпаспорт.

Тут виновник ДТП неожиданно пришел в себя; видимо, ушиб головы был не слишком серьезным. Достав из кармана «Vertu», он быстро нащелкал номер.

– Алле, ты еще не спишь? Ага, я. Да у приятеля задержался. Слушай, я тут опять в одну дорожную историю вляпался... Ну да, побился немного. Вроде не ранен. Нет-нет, теперь я точно не виноват! Пришли кого-нибудь или лучше сам сюда подъедь, чтобы разрулить. Записывай, что за место... Да побыстрей, меня сейчас мусора начнут прессовать...

Последняя фраза явно не понравилась инспекторам ГИБДД.

– Кто это тут мусора? – недобро прищурился водитель патрульной машины.

– А тебе не кажется, что этот малолетний сопляк явно нарывается на неприятности? – Старший экипажа многозначительно повел автоматным стволом.

Удивительно, но после этих слов владелец «Гелендвагена» окончательно потерял чувство реальности. Он сунул «Vertu» в карман и удивленно взглянул на гаишников.

– Слышь, лошара, ствол убрал, да? – недобро процедил владелец «Гелендвагена». – А то сейчас тебе его в жопу засунут!

– Мордой на асфальт, сука! – с внезапной агрессией крикнул старший наряда, многозначительно передернул автоматный затвор и, обернувшись к водителю, скомандовал: – Толян, свяжись с нашими, скажи, чтобы вместе со следаком и оперов из райотдела прислали. Пусть этого уроды попрессуют для профилактики. А заодно и на наркоту с алкоголем освидетельствуют.

– Номер на моей тачке посмотри, мудила, да талон на лобовом стекле. – Молодой человек и не подумал лечь на асфальт, а лишь презрительно сплюнул под ноги правоохранителям. – И моли своего мусорского бога, чтобы тебя, козлину, самого не отпрессовали! Сейчас сюда очень влиятельный человек подъедет...

Инспекторы переглянулись – они явно не ожидали подобной реакции. Старший наряда, продолжая удерживать юношу на прицеле, кивнул водителю – мол, взгляни на всякий случай, может, не врет. Тот отлучился ненадолго, а когда вернулся, то на лице его можно было прочесть: «Большую же глупость мы с тобою сморозили!»

– Извините, – сконфуженно произнес он. – Что же вы с самого начала не сказали?

– А у вас что – глаза на жопе, а не на морде? – с явным превосходством бросил молодой человек. – Все, отваливайте отсюда по-хорошему! Да куда я не удеру, не ссыте...

Гаишники, извинительно улыбнувшись, поспешили усесться в салон патрульной машины.

– Ну, что там, Толян? – встревоженно поинтересовался старший наряда.

– У него ксива на лобовике лубянская. И номер серии «ЕКХ».

Госномер серии «ЕКХ» невозможно купить в ГИБДД даже за очень большие деньги. Что, впрочем, неудивительно: такие номера, как правило, выдаются на автомобили высшего руководства спецслужб. В специфических кругах серия «ЕКХ» обычно расшифровывается «Еду, Как Хочу». Сотрудники ГИБДД любого уровня предпочитают закрывать глаза на самые дикие нарушения автомобилистов с такими серьезными номерными знаками. Уж проще изобразить из себя страуса, стыдливо прячущего голову в песок, чем потом писать килограммы объяснительных и получать от начальства по шее.

– Что-то не очень он похож на «фейса», – гаишник имел в виду сотрудника ФСБ. – Может, стоит его пробить на всякий случай? Или ихнего озсбэшника вызвать?

– Похож, не похож... Кто их теперь разберет? Может, сынок какого-нибудь генерала. Или его любовник. Помнишь, как два месяца назад пьяную студентку задержали на спортивном «поршаке» со стразами от Сваровски по всему кузову? У нее тоже «блатной» номер был. Ну, вызвали эсбэшника – оказалось, правильный номер, и вообще она якобы находилась «при исполнении». Пришлось еще и извиняться. Нам-то с тобой какое дело? Старшие с минуты на минуту придут – пусть они с ним и разругаются. Мы свое дело сделали.

Вскоре прибыл инспектор из отдела дознания и эксперты. Однако допросить виновника ДТП и водителя «МАЗа», настаивавшего на том, что «он все видел», так и не получилось...

Длинная черная «Ауди» с проблесковым маячком на крыше в сопровождении джипа охраны выехала из-за угла медленно и важно, словно дредноут на морском параде. Прижавшись к бордюру, лимузин коротко и зло взвыл сиреной – гаишники невольно подобрали животы.

Из джипа сопровождения резво выбежал молодой верзила с удивительно незапоминающимся лицом и предупредительно раскрыл заднюю дверку «Ауди». Сначала на влажный асфальт опустилась нога в дорогом ботинке ручной работы. Затем – вторая. Наконец из лимузина вылез и сам обладатель обуви – холеный господин лет пятидесяти, спортивно-стройный, седой, в строгой костюмной тройке от Elie Saab. Верзила отработанным жестом раскрыл над его головой зонтик. Из джипа тут же выскочили двое охранников в одинаковых серых костюмах. Первый на всякий случай встал за спиной высокопоставленного пассажира, а второй, быстро оглядевшись вокруг, занял позицию справа сбоку.

Тут в темных влажных небесах оглушительно грянул гром, и длинная серебристо-синяя молния разъяла небосвод пополам, осветив на мгновение кровавые пятна на асфальте. С небес сыпнуло колкими холодными каплями. Пассажир «Ауди» задумчиво взглянул в небо, затем недобро зыркнул на молодого человека – тот виновато опустил глаза. Удивительно, но на инспекторов ГИБДД мужчина в костюмной тройке не обращал ровным счетом никакого вни-

мания, будто бы их тут и не было. Присел на корточки у «Гелендвагена» и несколько минут рассматривал покореженные порожек и дверку. Осмотрелся, зафиксировал взглядом полусмытые дождем пятна крови на проезжей части. И лишь после этого подошел к инспектору по дознанию, стоявшему навытяжку у своей машины.

– Потрудитесь объяснить, что тут произошло. – С этими словами он как бы невзначай продемонстрировал гербовую сафьяновую корочку, раскрыл ее на пару секунд и спрятал в кармане.

Инспектор ГИБДД судорожно сглотнул, дернул кадыком и мелко завибрировал. На лице его невольно появилось холуйское выражение.

– Автоавария, товарищ генерал...

– Сам вижу, что автоавария... Со смертельным, как я понимаю, исходом?

– К сожалению.

– Кого подозреваете?

– Пока никого. Есть потерпевшие, есть подозреваемый. Мы только что приехали, будем разбираться, – униженно проблеял гаишник.

– Разбираться? Вот и прекрасно. Протокол, как я понимаю, вы еще не составили? Если приехали только что.

– Никак нет.

– Тогда попрошу ко мне в машину...

Едва офицер ГИБДД уселся в генеральскую «Ауди», как вновь оглушительно громыхнул грозовой раскат, пронзительный сиреневый сполох молнии разорвал черное небо и стеной рухнул холодный ливень.

Глава 2

Утреннее солнце перевалило через крышу шестнадцатэтажки, и золотые лучи скользнули на мрачную стену жилого дома, стоявшего по другую сторону улицы. Запыленные стекла бетонной коробки вспыхнули веселыми огоньками, и безрадостный до этого пейзаж западной стороны улицы в спальном районе столицы мгновенно преобразился. Так преображается, вспыхнув бриллиантами росы, мрачный утренний луг в лучах восходящего солнца.

Андрей Ларин открыл глаза. Сон до этого, как обычно, был крепким. И, как всегда случилось в первые секунды после пробуждения, бывший наро-фоминский оперуполномоченный, бывший зэк на ментовской зоне «Красная шапочка» не сразу вспомнил, кто он теперь и где находится. Прошлая жизнь не ушла бесследно, она иногда возвращалась во снах, возникала в так и не осуществившихся мечтах. Проснувшись, Андрей увидел над собой все ту же белую плоскость потолка с врезанными в нее круглыми светильниками.

– Да, я все еще здесь, – проговорил он.

Ларин уже давно привык к тому, что у него, по большому счету, нет своего дома. Конспиративные квартиры, на которых он жил, приходилось менять после каждого выполненного задания. Сколько их было, Андрей уже и сам сбился со счета. Вот и здесь, скорее всего, он доживал последнюю неделю. А в дальнейшем...

На днях предстояла встреча с Павлом Игнатьевичем Дугиным – руководителем тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти. А там, скорее всего, и новое задание... Почему-то именно эту квартиру Ларин невзлюбил, хотя она была не хуже и не лучше предыдущих. За что, он и сам не мог бы сформулировать. Об исходившей от нее опасности ему подсказывало шестое чувство, присущее любому человеку, ведущему двойную жизнь. А это давит. У тебя не может быть постоянной женщины, друзей, знакомых; приходится привыкать к новым документам, именам и фамилиям, по которым какое-то время предстоит жить. Ты как бы существуешь, и в то же время тебя нет. Ты служишь справедливости, но на тебя охотится и милиция, и спецслужбы. А в короткие периоды отдыха тебе просто нечем себя занять. Ты словно выпадаешь из бытия, и время останавливается.

«Хватит жаловаться на судьбу, – оборвал сам себя Ларин. – За эти несколько дней, оставшихся до встречи, следует привести себя в идеальную форму. А то разленился».

Андрей собирался недолго. Привел себя в порядок, выпил кофе и, принципиально проигнорировав лифт, сбегал на улицу по ступенькам. Возле подъезда он застал не совсем обычную картину. Около тесно припаркованных машин стояло несколько соседей по подъезду и двое милиционеров. На асфальте валялись мелкие осколки битого стекла. Криминалист сидел на корточках у соседского мини-вэна с выбитым боковым стеклом и сосредоточенно наносил кисточкой на ручку дверцы порошок для проявления отпечатков пальцев. Участковый милиционер окликнул Ларина:

– Гражданин, вы здесь живете?

– Снимаю квартиру, – уклонился от прямого ответа Андрей.

– Ночью ничего подозрительного не слышали? Может, шум какой-нибудь, звон стекла...

– У меня, лейтенант, окна спальни на другую сторону дома выходят. Так что ничего не слышал и, к сожалению, не видел. А что случилось?

– Обычная история. В трех машинах разбиты боковые стекла, магнитолы повырывали с корнем. Думаем, подростки постарались.

– Что ж, бывает. Не повезло людям.

Участковый милиционер перевел взгляд на связку ключей в руке Ларина, среди прочих был и автомобильный.

– А с вашей машиной все в порядке? Вы ее здесь ставите?

– Я воробей стреляный. Для меня главное не престиж, а то, чтобы машина ездил, – усмехнулся Андрей. – На мое корыто ни один вор не позарится. А музыку в салоне не держу принципиально, от движения отвлекает. Извините, что ничем не смог помочь. Спешу.

Старый синий «Форд», на котором последнее время разъезжал Ларин, и в самом деле ничем не мог привлечь грабителей. С виду машина никудышная: мятый правый бок, краска давно потускнела и потеряла заводской блеск, потертый салон. Правда, под капотом прятался новый двигатель, мощнее положенного по техпаспорту в два раза. И вообще вся механика в автомобиле работала четко, как фирменные швейцарские часы.

Потерпевшие от воришек соседи по подъезду смотрели теперь на машину Андрея завистливыми взглядами, хотя раньше разглядывали ее с легким презрением – мол, мог бы и поновее себе что-нибудь купить. Минут через десять Андрей уже и думать не думал о происшествии во дворе. На этот раз он решил воспользоваться не машиной, а мотоциклом, который за небольшую плату ставил в гараже одного инвалида из соседнего подъезда. Места там хватало не только для микролитражки с ручным управлением.

Рассиживаться в своей конспиративной квартире Ларин не собирался, а проблемы соседей казались мелкими и незначительными по сравнению с теми многомиллионными преступлениями, которые находились в поле зрения тайной организации по борьбе с коррупцией.

Привести себя в форму означало не только регулярно совершать утренние пробежки, поднимать гантели и растягивать эспандер. В первую очередь следовало собраться с мыслями, вновь ощутить себя частью огромного города. А за последнюю неделю Ларин, практически не выбиравшийся из своего спального района, отвык от городской суеты. И лучшим способом вернуться к привычному образу жизни, почувствовать людскую доброжелательность и злобу было поколесить по Москве. К тому же Андрей уже давно поставил себе цель изучить город не хуже таксиста с солидным стажем.

Пробраться через центр города на мотоцикле – это будет покруче тренировки на самом навороченном автодроме. Через полчаса Андрей уже катил по Садовому кольцу, прикидывая, куда лучше свернуть. Впереди замигал светофор. Машины в крайнем левом ряду замерли, ожидая зеленой стрелки. Притормозил и Ларин. Толпа пешеходов хлынула на проезжую часть. Люди спешили перейти широкую дорогу, пока не загорелся красный. Но почему-то на островке безопасности посреди улицы, на половине пути задержались пятеро девушек и двое мужчин. Один из них сноровисто расчехлил телекамеру, другой – профессиональный фотоаппарат. Все девушки были рослые, как на подбор стройные. Они явно неплохо подготовились к проведению своей акции. Синхронно стянули через головы свитеры, оголившись до пояса. Вид голой женской груди тут же подействовал на некоторых водителей возбуждающе. Одобрительно зазвучали клаксоны. Оператор уже снимал на камеру, искрила вспышка фотоаппарата. Прохожие на тротуарах стекались к ограждению и рассматривали хеппенинг, происходящий на островке безопасности посреди широкой, запруженной машинами улицы.

Оголившись до пояса, девушки надели себе на головы похожие на новогодние колпачки детские синие ведрышки из пластика, внутри которых полыхали вспышки фонариков. Наконец-то до Ларина дошла суть эротической акции. Девушки с импровизированными мигалками на головах гуськом двинулись по осевой, развернув над головами плакаты: «ЕЗДИТЬ ПО ОСЕВОЙ – ЭТО КРУТО», «МОЖНО МИШЕ – МОЖНО И МАШЕ!» Замыкал процессию плакат «МИГАЛКИ ВСЕХ ДОСТАЛИ!». Телеоператор пятился посередине дороги, снимая хеппенинг; рядом с ним шагала упитанная молодая журналистка в вызывающе оранжевом платье и по мобильнику вела репортаж с акции. Магнитофон, висевший на шее одной из девушек, издавал звуки милицейской сирены, перемежаемые невнятным, но агрессивным бормотанием виртуального стража порядка: «Принять вправо... освободить дорогу...». Оголенная до пояса девица подняла над собой два искрящихся файера – синий и красный.

Естественно, движение застопорилось, водители проезжали мимо девушек так медленно, как не ездили и в своих дворах, отчаянно сигналили, высовывались в окна.

– Мужики! – кричала натуральная блондинка с распущенными волосами длиной по пояс. – Вас дрючат на дорогах мигалками и полосатыми жезлами! А вы терпите!..

Впереди Ларина послышался металлический стук. Зашипел пар. Один из водителей, засмотревшись на обнажившихся девиц, забыл о педали тормоза, покатился с горки и въехал радиатором в фаркоп стоящего впереди автомобиля. Раздались смех очевидцев и эмоциональная ругань пострадавшего автомобилиста. Машины на улице полностью остановились. Отчаянные топлес-девицы как раз проходили рядом с Лариным. Он поднял руку в мотоциклетной перчатке и оттопырил большой палец, показывая, что, мол, душой я с вами.

– Пристраивайся, – крикнула ему блондинка, – езжай с нами!

– В другой раз, – отозвался Андрей и стал прикидывать, сумеет ли проехать вперед между рядами машин.

И тут к клоунской милицейской сирене добавилась настоящая. Микроавтобус и патрульная машина, прокравшись по тротуару, остановились напротив места беспорядков. Милиционеры, лавируя среди остановившихся машин, побежали к девушкам, вышагивающим по осевой, как по подиуму. Народ, скопившийся на тротуарах, встретил их презрительным свистом. А звуки клаксонов слились в один сплошной устрашающий вой. Телеоператор тут же отбежал метров на десять и принялся снимать милиционеров с перекошенными от злости и растерянности лицами.

– Сейчас винтить начнут, – произнес стоявший в соседнем с Лариным ряду водитель, сунул два пальца в рот и оглушительно засвистел.

Девушки не растерялись – видно, с милицией им приходилось общаться не первый раз. Они прекратили шествие, повернулись к опасности лицами и голыми сиськами.

– Позор! Позор! – принялись скандировать они.

Один из милиционеров юркнул между машин и тут же принялся растопыренной пятерней закрывать объектив телекамеры. Фотограф, укрывшись за автомобилем, часто щелкал затвором, снимая эту картинку. Оказавшись в непосредственной близости от обнаженных девушек, милиционеры на какое-то мгновение растерялись, прикидывая, за какие части тела их следует хватать, чтобы окончательно не опозориться перед прессой и народом.

– Трусы! – крикнула натуральная блондинка с распущенными волосами.

Наконец стражи порядка определились с тактикой. Они по двое хватали протестующих девушек за руки и волокли к микроавтобусу на тротуаре. Улицу наполнил отчаянный девичий визг, свист, улюлюканье и крики.

– Руки убери!

– Помогите!

– Да есть тут хоть один мужик?

Красномордые, как помидоры, милиционеры уже запихивали первых задержанных в свой микроавтобус. Однако тактика дала сбой. На всех девиц по паре правоохранителей не хватило. Блондинка с полыхающим вспыхом ведерком на голове осталась один на один с рослым сержантом. Тот обернулся – все его коллеги были заняты, запихивая упирающихся девушек в микроавтобус. А возле него уже кольцом стояли любопытные, вывалившиеся из застрявших машин. Никто действия милиции не одобрял. А вот девиц, наоборот, поддерживали восторженными возгласами. Блондинка изловчилась, подхватила с асфальта пылающий синий файер и принялась махать им перед носом сержанта, как ножом.

– Только подойди, урод! Только посмей меня тронуть! В морду суну...

– Оскорбление при исполнении, – прорычал сержант. – Срок, ссыкуха, получишь!

Файер так и не ткнулся в грудь сержанту. Короткий выверенный удар, и пылающий факел отлетел в сторону. Сержант обхватил девушку двумя руками сзади и, оборачиваясь, стал

пятиться. Но все же не рассчитал, задел бедром багажник одного из автомобилей. Блондинка не собиралась так легко сдаваться. Она нагнулась и впилась зубами в руку сержанту. Милиционер взвыл и от неожиданности выпустил жертву. С его кисти густо закапала кровь. Блондинка стояла, отплеивалась и тяжело дышала.

– Я же предупреждала тебя, урод...

– Беги, дура! – крикнул кто-то.

Но злость и стресс уже мешали девушке поступить рационально. Она осталась стоять. А зря. Ведь и у сержанта, привыкшего к тому, что форма служит ему защитой от агрессивно настроенных граждан, тоже поехала крыша. Тем более что унижительную ранку ему нанесла женщина, да еще на глазах у сотен зевак. Глаза милиционера налились кровью, сделались квадратными. Издавая утробное урчание вперемешку с матюгами, он схватил блондинку за волосы, бросил лицом на багажник машины и, выхватив дубинку, наотмашь ударил девушку по спине. Мгновенно на нежной коже вспыхнула кровавая ссадина.

Ларин и до этого с трудом сдерживал себя. Но смотреть на то, как здоровенный амбал дубинкой бьет женщину, он не мог. Занесенная для следующего удара резиновая палка так и не опустилась. Андрей перехватил руку и резко вывернул ее. Сержант побледнел от резкой боли и выпустил девушку. Автомобильные сигналы и крики стихли. В наступившей тишине было слышно лишь то, как работают двигатели. Затем кто-то несколько раз хлопнул в ладоши, и абсолютно не к месту зазвучали аплодисменты. Слово все происходило не всерьез, а зрителям демонстрировали постановочное шоу.

– Форму не позорь, – сдержанно произнес Андрей, разжимая пальцы, повернулся и двинулся к мотоциклу, проклиная себя за то, что оказался в это время и в этом месте, а еще больше за то, что нарушил данное Дугину обещание избегать конфликтов с правоохранительными органами.

Сержант тупо смотрел на повисшую плетью кисть, а затем потянулся к кобуре.

– Мужик, осторожней! – крикнул кто-то из толпы.

Ларин резко обернулся, глянул в нацеленный на него ствол пистолета. Рука сержанта подрагивала. Ну не привык он держать оружие в левой.

– Первый выстрел должен быть сделан в воздух, – проговорил Андрей. – Да и затвор передернуть не забудь.

Блондинка попыталась схватить руку с оружием, но получила удар в лицо.

– Мордой на землю, – прошипел милиционер, – а то урою!

– Ты сам это сказал...

Ларин понимал, что слова на взбесившегося сержанта, тем более от человека в штатском, не действуют, а потому коротким ударом врезал милиционеру в челюсть. Клацнули зубы, ботинки оторвались от асфальта, и сержант рухнул. Правда, не мордой, а затылком, и не на асфальт, а на багажник машины.

– Есть же Бог на свете! – донеслось из толпы радостное восклицание.

Дальнейшее Ларин видел лишь отрывками, словно при вспышках стробоскопа. Милиционеры бежали от своего микроавтобуса, размахивая на ходу дубинками. Первой их жертвой стал телеоператор, хотя он был самым здравомыслящим из всех организаторов беспорядков. Телевизионщик, прижимая к себе камеру, попытался просто удрать, но его настигли, повалили и выдрали кассету из камеры.

Первого подбежавшего к нему стража порядка Андрей ударил по ногам, но тот смог-таки прыснуть из баллончика. Глаза Ларин успел закрыть, но отравленного воздуха все-таки глотнул. Каким-то чудом он успел поставить блок под занесенную над ним дубинку и свалить милицейского прапорщика с ног. Затем кто-то прыгнул на него сзади, повалил на землю. Вокруг слышались крики, ругань. Андрей вывернулся и увидел над собой перекошенное от злобы лицо милиционера. Недолго думая, он перебросил противника через себя и вскочил на ноги. Сле-

лал он это вовремя. Сержант с окровавленной рукой уже пришел в себя и успел поймать болтавшийся на кожаном ремешке «табель». Только тут Андрей вспомнил, что в багажничке его мотоцикла лежат не только гаечные ключи и фляжка с моторным маслом – там еще и пистолет с глушителем и двумя снаряженными обоймами, завернутыми в промасленную тряпку. Если заберут в милицию, то придется долго объяснять, откуда у него оружие и вообще кто он сам такой. При подобном раскладе даже могущественный Дугин вряд ли смог бы ему помочь. Сержант уже клацнул затвором. Медлить было нельзя. Ларин ногой ударил по руке, сжимавшей оружие, а затем всадил локоть сержанту в грудь.

«Кажется, перестарался», – подумал он, заслышав, как внутри милиционера что-то хрустнуло.

Ларину еще повезло: толпа проявила солидарность. Люди сомкнулись вокруг дерущихся кольцом. И другие милиционеры теперь пытались проложить себе дорогу ударами дубинок. Но глаза на затылке даже у правоохранителей не растут. Кто-то свалился от подножки, кого-то просто оттащили и бросили на землю, топчась по спине. Водитель микроавтобуса, нервно поглядывая на возникшую посреди Садового кольца свалку, вызывал по рации подкрепление.

Андрей ощутил, что на какое-то время оказался вне зоны всеобщего внимания. Драка уже шла без его участия и развивалась по своим законам.

– Эй, ты! – крикнул он блондинке, которая смотрела на дерущихся широко открытыми глазами и, кажется, не могла поверить, что все это происходит из-за нее. Из разбитого носа у нее текла кровь.

– А? – девушка тряхнула головой и глянула на Ларина.

– Если хочешь стоять здесь, стой. А я сваливаю, – он уже щелкнул подножкой мотоцикла и перебросил ногу через сиденье.

Блондинку не пришлось упрашивать дважды. Не трудно было представить себе, что начнется, когда сюда прибудет милицейский спецназ. Девушка вскочила в седло за Андреем и совсем не к месту спросила:

– Еще один шлем у тебя есть?

– Не любишь нарушать ПДД? А ментам руки, значит, до кости прокусывать можно? Держись, дура. Авось вынесет.

Взревел мощный двигатель мотоцикла. Плотная толпа перед Лариным вздрогнула и расступилась. Железный конь, приподнявшись на заднем колесе, рванул в узкий зазор между застрявшими машинами. Вслед уносящемуся мотоциклу понеслось радостное улюлюканье ротозеев, собравшихся на тротуаре. За спиной взвыла милицейская сирена. Андрей улучил момент, чтобы обернуться, – благо улица впереди, по причине создавшегося из-за драки затора, была более-менее свободна. Патрульная машина, полыхая мигалками и распугивая прохожих, мчалась по тротуару. На перекрестке она резко свернула вправо и понеслась вслед за беглецами уже по улице.

– Мама... – прошептала девушка и крепче вцепилась в Ларина.

– Вот же черт, увязались... – Андрей прибавил газу.

Прохожие оборачивались на завывание sireны и с удивлением смотрели на то, как мотоциклист с полуголой девицей, чьи распущенные волосы красочно развевались на ветру, пытаются оторваться от патрульной машины. Один из преследователей высунулся из окошка и, придерживаясь рукой за кронштейн полыхающей мигалки, поднял пистолет.

– Стой, мля! Стрелять буду! – закричал он.

– Ни хрена ты не будешь, – проговорил себе под нос Ларин, – людей вокруг море.

Выстрела действительно не последовало. На крыше милицейской машины затрещал-захрипел громкоговоритель:

– Водитель мотоцикла, немедленно остановиться.

– Может, не надо? – перекрывая свист ветра, прокричала возле самого уха Андрея девушка.

– Чего не надо? Останавливаться или мчаться?

– Не знаю.

– Ну, так и помолчи. Из-за тебя, кстати, вляпался.

По мере продвижения вперед поток автомобилей становился все более плотным. Водитель милицейской машины, к огорчению Андрея, был асом. Он сумел-таки догнать мотоцикл и теперь пытался прижать его к бордюру. Если бы не спутница, Ларин рискнул бы уйти на перекрестке на встречу. А пока он сдерживал себя. Особо не рисковал и водитель милицейской машины.

«Нормальный парень попался, – Андрей, кося глаза, разглядывал молодого лейтенанта за рулем. – Был бы я один в седле, он бы меня уже бортанул так, чтобы три раза через голову вместе с мотоциклом перевернулся. А девушку жалеет. Все-таки вид обнаженного женского тела даже самых суровых мужиков делает сентиментальными».

Впереди нарисовался очередной перекресток. Гнать дальше по прямой было рискованно. Наверняка улицу в паре кварталов отсюда уже перекрыли, остановив движение. Зазор между милицейской машиной и мотоциклом вновь стал уменьшаться. Еще немного, и подножка уже чиркнула бы по высокому бетонному бордюру. Андрей, наклонив мотоцикл, ушел на перекрестке влево. Милицейская машина, взвизгнув протекторами на асфальте, повторила маневр, чудом разминувшись с груженным песком самосвалом. Однако Ларину все же удалось вырваться вперед.

Город – не лучшее место для того, чтобы уходить от погони. Особенно если преследуют тебя не бандиты, а правоохранители. Повсюду понатыканы камеры наблюдения, и беглецов может вести оператор, передавая по рации все подробности маршрута преследователям. Это было еще одной причиной, по которой Андрей решил уйти с магистрали, отдав предпочтение уже досконально изученным за время предыдущих поездок боковым улочкам. Тут наверняка имелись «мертвые» для видеонаблюдения зоны. Все-таки не зря Ларин последние месяцы потратил на то, чтобы изучить город – особенно такие закоулки, как этот.

Вдоль тротуаров тянулись какие-то склады, автобазы, стоянки для техники коммунальных служб. Андрей точно знал, куда он сейчас направляется. Впереди маячил Т-образный перекресток. Как бы издеваясь над преследователями, Ларин включил правый поворот и немного сбавил скорость. Почувствовав, что спутница уже не так крепко прижимается к нему, Андрей посчитал нужным предупредить девушку:

– Держись изо всех сил. Сейчас полетаем.

Ларин как шел с включенным правым поворотом, так и влетел на перекресток. Но поворачивать не стал, выкрутил газ до предела. Двигатель взревел, переднее колесо приподнялось над асфальтом. Мотоцикл перемахнул через бордюр, пролетел над тротуаром и опустился на траву неухоженного пустыря. Ключья дерна полетели из-под заднего колеса, захрустела трава, замелькали кусты ивняка. Слева блеснул затянутый ряской пруд, на поверхности которого плавали пустые пластиковые бутылки. Ни Андрей, ни его спутница уже не видели, но вполне могли догадаться по звуку, что случилось с милицейской машиной. Водитель повернул руль, но было уже слишком поздно. Автомобиль ткнулся передним колесом в высокий бордюр, но не взлетел на него. Машину отбросило, и она замерла посреди улицы с заглушим двигателем. Все еще завывала сирена, над крышей полыхали мигалки, матерился водитель.

Мотоцикл выехал с пустыря на выложенный бетонными плитами подъезд, ведущий к замороженной стройке. Объезжая лужи и кучи глины, Ларин некоторое время раздумывал перед замотанными проволокой воротами, а затем, проехав вдоль дощатого забора, свернул в первый же пролом.

– Ну, вот и приехали. Слезай. – Андрей заглушил двигатель и прислонил мотоцикл к недостроенной трансформаторной будке.

Невдалеке находился строительный котлован. С его дна из мутной воды торчали верхушки бетонных свай.

– Садись, – предложил Ларин, указывая на аккуратно сложенные под стеной облицовочные кирпичи. – Надо дыхание перевести да подумать.

Блондинка с распущенными волосами спорить не стала, послушно опустилась на кирпичи, села и, чуть заметно дрожа, прикрыла грудь скрещенными руками. Андрей тоже сел, прислонился к стене и смотрел на то, как галки перелетают с одной сваи на другую.

«День не задался, – думал он. – Ну почему самые лучшие намерения обязательно оборачиваются какой-то дрянью? Ведь собирался поколесить по городу с пользой для дела. А теперь вот сижу с полуголой девицей на какой-то стройке... А милиция усиленно разыскивает меня, и ее, кстати, тоже. И как я потом все это сумею объяснить Дугину? А ведь обязательно спросит же. Он-то поймет, что подобное на Садовом кольце мог затеять только я. Но и это не самое страшное. В конце концов, криво, косо, но с Дугиным я договорюсь. А вот то, что в моей жизни началась полоса неудач, так это точно».

Андрей от досады даже сплюнул. Покосился на худые, но стройные ноги блондинки, затянутые в узкие джинсы.

– Ну, что, стриптизерша, потрясла сиськами, допрыгалась со своими подружками? – спросил он довольно раздраженно. В конце концов, именно она была виновата в произошедшем.

– Я не стриптизерша, – обиженно отозвалась девушка.

– А кто же ты тогда такая?

– Правозащитница, – не без гордости проговорила девица.

– Ой, ой! Держите меня, – рассмеялся Ларин. – Оказывается, все так серьезно... И кого же ты сегодня своей грудью защитила? Твои подружки тоже правозащитницы?

– А что, по-твоему, когда по встречной ездят и всякая сволочь мигалками светит, ничьи права не нарушаются? От этих уродов в городе ни пройти, ни проехать, – агрессивно начала девушка.

Ларин прищурился, присматриваясь к ней.

– По-моему, вдобавок ко всему ты еще и феминистка. Кстати, мы не переходили на «ты». Я все-таки тебе в отцы гожусь.

– Не в отцы, а в старшие братья. Если хотите, будем на «вы». Просто так принято, что на дорогах все друг друга на «ты» называют.

– Я понимаю, то, что мы с тобой пережили, будет покруче ночи, проведенной в одной постели. Держись, стриптизерша, пока не замерзла. – Андрей снял и отдал девушке кожаную мотоциклетную куртку.

Та нырнула в нее, запахла, вытащила из кармана джинсов помятую пачку сигарет и хотела щелкнуть зажигалкой.

– На правах старшего брата курение отменяю. Не выношу табачного дыма. – Ларин забрал и разломал в пальцах сигарету.

– Еще один воспитатель нашелся, – пожала плечами девушка.

– Значит, так, – Андрей хлопнул себя ладонями по коленям и поднялся. – Свой лимит благотворительности на сегодня я уже исчерпал. Так что давай расставаться. Ты идешь по своим правозащитным делам, а я отправляюсь по своим. Или ты ждала чего-то другого? – перехватив растерянный взгляд девицы, поинтересовался Ларин. – Может, у тебя ни рубля в кармане? Могу на метро мелочь подкинуть.

– Кое-какие деньги есть. – Девушка поддернула длинноватый ей рукав кожанки и потрогала разбитый в кровь нос. – Вы и так для меня уже постарались. Спасибо. А куртку я вам

верну. Вы только адрес мне скажите... – Она тоже поднялась, посмотрела Ларину в глаза. – Я, наверное, ужасно выгляжу.

– Если тебя начали интересовать такие вещи, значит, приходишь в себя. Пока. И до встречи на дорогах.

Девушка неопределенно махнула рукой, сделала пару шагов по направлению к пролому в заборе, негромко застонала и взялась за левый бок.

– Черт, болит-то как, – согнувшись, она вернулась к кирпичам и вновь опустилась на них. – А когда с вами ехала, то даже не чувствовала. Странно получается... Вы идите, не беспокойтесь. Со своими проблемами я сама разберусь, не в первый раз. Спасибо вам за все, обо мне не тревожьтесь.

Андрей продолжал стоять. Девушка занервничала.

– Чего вы так на меня смотрите? Каждый борется за справедливость доступными ему средствами. Ну, не дано мне Богом таланта мужикам челюсти крушить и зубы выбивать. Признайтесь, ведь весело сегодня поначалу было. Мы еще хотели синие ведерки машинам на крыши ставить и скотчем клеить. Не успели, менты быстро нагрянули. Наверное, кто-то их о нашей акции предупредил...

– Да уж, повеселились, – глядя на побледневшее от боли лицо девушки, произнес Ларин и опустил перед ней на корточки. – Давай знакомиться. Тебя как зовут?

– Катя.

– А меня Андрей. В больницу тебе соваться не стоит. Давай я тебя домой завезу. Ты с родителями живешь?

– У подружки. Я из Питера приехала.

– Ну, тогда едем к подружке.

– Ее менты повинтили. Представляете, какой скандал мне ее родители закатят?

Ларин задумался и в очередной раз стал проклинать свою мягкотелость. Проблема, возникшая на Садовом кольце, никак не хотела разрешиться, а, наоборот, обростала осложнениями. Причем осложнениями, о которых он и думать забыл с тех пор, как окончил среднюю школу. Родители скандал закатят... Андрей прикинул: пара свободных дней до встречи с Дугиным у него была. И он имел полное право распоряжаться ими по собственному усмотрению.

– Посиди здесь немного, я быстро. – Ларин не стал объяснять, что задумал.

Он закатил мотоцикл внутрь недостроенной будки, отщелкнул крышку багажника, сунул за пояс джинсов завернутый в тряпку пистолет с глушителем и прикрыл его рубашкой. Вскоре мотоцикл был замаскирован обломками досок и клочьями стекловаты.

– Держись.

Андрей оттопырил локоть. Катя оперлась на спутника и заковыляла вместе с ним.

– Я только до улицы так пойду. А там выпрямлюсь, обещаю.

– Иди как хочешь. Никому до тебя дела не будет.

Девушка пошатнулась и, чтобы устоять на ногах, схватилась за Ларина. Глаза ее округлились. Рука явственно нащупала рукоятку пистолета, торчавшего за поясом.

– Что-то не так? – без тени улыбки спросил Андрей.

– Нет, нет. Я вопросов не задаю. Самой иногда хочется завести дробовик, ходить с ним по городу и сшибать мигалки с машин.

– А вот этого делать не стоит.

– Почему?

– Лучше сразу в голову. А новую мигалку и прикрутить можно.

* * *

Катя осматривалась в квартире Ларина.

– Сразу чувствуется отсутствие женской руки, – вынесла она свой вердикт. – Вы не женаты?

– Когда-то был. Но это – в прошлой жизни. Вообще-то такие вещи не должны тебя интересовать.

– Такие вещи должны интересоваться в первую очередь. А то вдруг жена-истеричка заявится и устроит скандал с мордобоем... С меня сегодня и ментов хватило. Или вам нравится смотреть, как дерутся женщины?

– Брось свои феминистские штучки. Со мной они не пройдут.

Андрей шелкнул тумблером. На экране, установленном на полке, появилось черно-белое изображение, разделенное на отдельные окна. Двор перед домом, на котором застыли припаркованные машины, крыльцо перед входом в подъезд, лестничная площадка у входной двери и детская площадка. Катя вопросительно посмотрела на хозяина квартиры.

– Обычно такими игрушками обзаводятся те, у кого есть дети, чтобы следить за тем, как они играют в песочнице... Ну, да ладно. Не мое дело. Перекусить что-нибудь найдется?

– Сперва займемся твоей раной. Снимай куртку.

Катя колебалась, не спешила сбрасывать кожанку.

– Ты чего? – не понял Ларин. – Сама же говорила, что болит. Надо глянуть, промыть...

– Я вас стесняюсь.

Андрей выразительно вздохнул.

– Это значит, в центре столицы на глазах у сотен людей оголяться можешь, а сейчас стесняемся? Да нет мне дела до твоего тела.

– Это же акция протеста была. А тут совсем другое.

– Ты сейчас пациентка, а я доктор, – не очень уверенно произнес Андрей, раскрывая шкафчик, и зашелестел пакетом с лекарствами.

Катя все же сбросила куртку, но прикрылась распущенными волосами. Села к Ларину спиной. Кожа в нескольких местах оказалась рассеченной, но не так сильно, чтобы накладывать швы.

– Обойдемся пластырем. Вот только промыть надо.

Резко запахло антисептиком. Андрей привычными движениями прикладывал влажный тампон к ране. Девушка вздрагивала.

– Щиплет?

– Терпимо. Просто щекотно и холодно.

Мужчина, ловко орудуя ножницами, отрезал пластырь и стянул полосками края раны.

– Вот и порядок. А теперь посмотрим, что с твоими ребрами, – присматриваясь к синякам, проговорил Андрей.

Он легонько надавил пальцами. Девушка вскрикнула.

– Понятно.

– Что вам понятно? – насторожилась Катя.

– Скорее всего, трещина. Но это не смертельно. Вот замотаем тебя бинтом, и будет полный порядок. Сможешь отправляться к себе домой в Питер.

– Никто там меня особо не ждет. С матерью живу. Но она второй раз замуж вышла. Вы только не подумайте, что я это рассказываю, набиваясь здесь остаться...

Катя придерживала распущенные волосы, а Ларин туго обматывал ее бинтом. Девушка уже не боялась его прикосновений. Напряжение спало. Катя и впрямь воспринимала своего нового знакомого как доктора. Вскоре она уже расхаживала по квартире в банном халате. С кухни доносился запах свежесваренного кофе, открывалась и закрывалась дверца холодильника.

Время уже было довольно позднее, за окном стемнело. Андрей сидел на диване и краем глаза смотрел телевизор, а сам в это время думал и прислушивался к звукам, наполнившим его

обычно тихую квартиру. На кухне негромко играла музыка, причем хорошая – звучали старые песни Утесова. Хотя Ларин и не подсказывал Кате имя своего любимого исполнителя. Просто та сама поняла вкус Андрея, когда копалась среди дисков. Вот полилась вода из крана... Давно уже Ларин не чувствовал себя так спокойно и расслабленно. Он не был затворником, в его жизни попадались женщины. Но теперь происходило что-то особенное. Андрей воспринимал Катю не так, как других. Не подруга, не ребенок, а именно, как правильно выразилась сама девушка, младшая сестра.

– Кофе на кухне пить будем или в комнату нести? Я бутерброды в микроволновке приготовила! – крикнула из кухни Катя.

– Иди сюда, садись. Я сам все принесу. Тебе не стоит много двигаться.

– Да я в полном порядке.

Катя уже вносила в комнату поднос с тарелкой и кофе. Ларин придвинул к дивану журнальный столик, открыл бар и принялся перебирать бутылки. Затем задумался и спросил, обернувшись:

– Тебе сколько лет?

Катя засмеялась.

– Двадцать один уже есть, если вы об этом.

Негромко бубнил телевизор. Сквозь неплотно прикрытые шторы виднелись освещенные окна дома напротив. С каждой прошедшей минутой их становилось все меньше, они гасли одно за другим. Катя неторопливо пила коньяк из широкого бокала. Чувствовалось, что ей хватит этих пятидесяти граммов на весь вечер. Да и Андрей не спешил со спиртным – делал маленькие глотки и изредка запивал своим любимым морковным соком из пластиковой бутылки. Мужчина и девушка почти не говорили, обменивались лишь взглядами, жестами. На душе у Ларина становилось тоскливо. Он понимал, что пройдет совсем немного времени, и ему придется остаться одному. А ведь в этом есть свое счастье – чувствовать, что рядом с тобой кто-то есть.

Затрезвонил квартирный телефон. Дугин всегда звонил только на мобильник – больше никому этот номер Андрей не давал. Но он не успел среагировать: Катя нагнулась, сняла трубку с рычагов и протянула ее Ларину.

– Да, – проговорил Андрей в трубку.

– Валеру можно пригласить? – раздался из динамика мужской голос.

– А куда вы звоните?

– Извините, наверное, номером ошибся.

Неизвестный назвал номер.

– Точно, вы ошиблись.

Трубка вернулась на рычаги старого аппарата. Вроде бы обычное дело – ошиблись номером. Такое и раньше иногда случалось. Но никогда не спрашивали Валеру. Андрей старался не показывать Кате, что насторожился, но внимательнее присмотрелся к монитору на полке. Во дворе стоял микроавтобус, которого здесь раньше не было. Водитель находился за рулем. Его коротко стриженная голова четко просматривалась в свете фонаря. А затем случилось то, о чем Ларин и не хотел думать. Из микроавтобуса вышло трое милиционеров с автоматами.

– Что происходит? – приподняла брови Катя и поставила недопитый бокал на столик.

– Пока не знаю, – отозвался Андрей, не отрывая взгляда от монитора.

Еще оставалась надежда, что это простое совпадение и милицейский спецназ прибыл не по душу Ларина. Однако Андрей уже спинным мозгом чувствовал – черная полоса в его жизни, начавшаяся сегодняшним утром, продолжается.

– Черт! И все-таки я не ошибся, – произнес Ларин, глядя на монитор.

Из лифта вышли двое милиционеров в бронежилетах и касках, после чего последовал звонок в дверь. Андрей не стал открывать. Звонок уже буквально разрывался, а из-за двери доносилось насквозь фальшивое:

– Сосед, открой! Ты же нас заливаешь...

Ларин уже сбрасывал на пол из шкафа одежду, одеяла; снял с антресолей канистру с бензином, плеснул им на шторы, диван. За дверью уже сменили тон:

– Открывайте, или мы вскроем дверь!

– Чего стоишь? Быстрее переодевайся по-походному.

Андрей вытолкнул Катю в соседнюю комнату, окно которой выходило на другую сторону дома. В кучу тряпья Ларин бросил несколько коробок с пистолетными патронами. Не стоило облегчать задачу противнику. Андрей уже понимал, что случился прокол. И каким-то образом квартиру, предоставленную ему Дугиным, просчитали. Не хотелось думать, что это произошло из-за его сегодняшних приключений. Но в любом случае следовало максимально уничтожить следы, указывающие на его связь с тайной организацией. Пусть потом ковыряются в пепле.

Бензин ярко полыхнул. Ларин еле успел отступить в прихожую, уже прижимая к уху трубку мобильного. Он продиктовал пожарному диспетчеру адрес своего дома, а затем и трубка полетела в огонь.

С той стороны двери уже визжала болгарка, вгрызаясь в бронированное полотно. Ларин схватил пистолет из ящика, свернул со ствола глушитель и несколько раз выстрелил в дверь, целясь повыше, чтобы не зацепить тех, кто стоял за ней. В конце концов, прибывшие милиционеры ничем перед ним и Дугиным не провинились. Они просто выполняли свою работу.

Катя в растерянности стояла посреди спальни.

– Это все из-за меня? – спросила она.

– А ты как думаешь?

– Думаю, что – нет.

– Вот и правильно.

Андрей распахнул дверь на лоджию. Густо разросшиеся тополя подступали к самому дому. Дым, подхваченный сквозняком, сначала втянулся в спальню, потом густыми клубами повалил на улицу. Стало слышно, как один за другим взрываются патроны в соседней комнате.

– Пусть думают, что я еще там, – не очень внятно объяснил Андрей Кате и перебросил ногу через поручни лоджии.

Света у соседей не наблюдалось. Ларин резко толкнул рукой застекленную раму, та открылась.

– Не бойся, – позвал он Катю, – подстрахую.

Девушка, забыв о боли, напуганная разгорающимся пожаром, села на поручни. Ларин помог ей перебраться на соседний балкон. В комнате ярко вспыхнул свет. Андрей и Катя нос к носу столкнулись с испуганной женщиной в ночной рубашке. Она порывалась что-то спросить, но от страха не могла вымолвить и слова – только заикалась.

– Пожар! Горим! – крикнул ей в самое лицо Ларин.

За лоджией клубился дым. Адские отблески огня плясали в кронах тополей. Внизу послышалось завывание пожарной сирены. Больше ничего не объясняя, Андрей потащил Катю в коридор, вытащил на площадку. Девушка уже справилась с испугом и хотела побежать по лестнице вниз, но Ларин потащил ее наверх.

– Звони в двери, кричи, – и сам вдавил кнопку звонка, пару раз стукнул ногой в дверь.

– Пожар! Горим! – разнеслось по подъезду.

Вскоре Ларин с Катей уже оказались на последнем этаже. Внизу хлопали двери, звучали тревожные голоса, слышался топот сбежавших во двор людей.

– Ну, все. Паника началась. Что и следовало доказать. Пошли и мы.

Вскоре Ларин и Катя уже выбирались с другими жителями подъезда на улицу. Наконец-то до девушки дошло:

– Мы же из соседнего подъезда вышли.

– А ты как думала?

В вышине полыхало пламя, вырывавшееся на улицу сквозь лопнувшее стекло. У пожарной машины пререкались офицер МЧС и двое милиционеров. Вокруг них толпились жители дома и любопытные. Наверху все еще слышались «выстрелы» – звуки взрывавшихся в огне патронов.

– А вот нам здесь лучше долго не торчать, – Андрей приобнял Катю за плечи и повел прочь от дома.

– Ни хрена себе, – выдохнула девушка, когда они оказались на тротуаре.

– У тебя воспитание хромает, – Ларин еще раз обернулся, глянул, как к окну его квартиры поднимается люлька с пожарными, и махнул рукой, останавливая убитые «Жигули».

Машина резко вильнула к тротуару, скрипнула тормозами и замерла. За рулем сидел улыбающийся бомбила – таксист-кавказец.

– В Москву вернуться не спешишь? – спросил у него Андрей. – Нам за город.

– При должном финансировании хоть на Луну, – осклабился бомбила.

– Значит, поехали.

Было уже далеко за полночь, когда Ларин и Катя выбрались из машины в тихом дачном поселке, расположенном в полусотне километров от столицы. Небо усыпали крупные звезды, где-то в низине за лесом устроили концерт лягушки. Таксист, получив заработанное, развернул машину, и ее задние габариты вскоре замелькали между домов и деревьев.

– Надеюсь, хоть здесь я никому не понадоблюсь...

Андрей отпер калитку и повел Катю к небольшому бревенчатому дому. Давно не кошеная трава газона полегла от вечерней росы.

– Сегодня я вообще отказываюсь что-либо понимать. Кто вы такой, в конце концов?

– Ты обещала не задавать вопросов. – Ларин пропустил Катю в дом и щелкнул выключателем. – Такой вечер испортили...

– А сюда они не нагрянут? – осторожно поинтересовалась девушка, оглядываясь по сторонам.

– Я и сам тут нечасто бываю. Хорошо, хоть перекусить успели, а то здесь шаром покати.

– И прохладно, – поежилась Катя.

– И зачем только я тебе помогать взялся, – пожал плечами Андрей. – Ладно, что случилось, то случилось. Дрова принесу, печку протопим.

Ларин открыл невысокую дверь в бревенчатой стене.

– Я помогу, – Катя шагнула следом и тут же присвистнула.

В просторном сарае, кроме дров, стоял новенький, поблескивающий лаком внедорожник без номеров.

– Впечатлениями поделимся завтра. А сейчас – спать. У тебя мобильник есть?

– Конечно.

– Дай-ка сюда.

Ларин взял отливающую розовым перламутром дамскую трубку, выключил ее и сунул себе в нагрудный карман.

– А это чтобы ты не вздумала никому звонить.

Глава 3

Правильно говорят: большинство всех человеческих проблем родом из детства. Нехватка родительской ласки чревата в будущем садистскими наклонностями, обиды на сверстников рано или поздно оборачиваются подростковой замкнутостью, излишняя опека ребенка – пожизненными иждивенчеством, эгоизмом и инфантильностью...

Если бы кто-нибудь из теперешних приятелей Алекса Матюкова увидел его родную квартиру на Лиговском проспекте, что в Санкт-Петербурге, то, наверное, никогда бы не поверил, что он родился и рос тут аж до третьего класса.

Лиговка издавна считалась одним из самых неблагополучных районов Северной столицы. Обшарпанные фасады наводили уныние, а пьяное буйство, то и дело выплескивавшееся из-за фасадов на улицы, – ужас. Здесь никто не задавался вопросами: «почему?» и «зачем?» На Лиговке жили исключительно на рефлексках. Поножовщина во дворе была самым обычным делом. Половина одноклассников Матюкова по достижении совершеннолетия уже отмотала сроки. Человеку, который родился и вырос на Лиговке, не стоило надеяться на что-то лучшее – казалось, что его жизнь всегда будет заправлена кислым, тоскливым запахом безысходности.

Мать Матюкова работала скромной продавщицей в зоомагазине, отец был нищим пограничным офицером в Пулковском аэропорту и уже подумывал, чтобы уволиться со службы и податься в таксисты. Сам Алекс особыми талантами не отличался, постоять за себя не умел и к тому же слыл неисправимым чмошником. А потому бывал нередко бит – не только сверстниками, но и даже младшими по возрасту. Над ним издевались как только могли: на уроках подкладывали на сиденье кнопки, в школьном туалете обливали мокрым и противным, а в столовой плевали в компот. Как и положено, он мечтал вырасти большим, сильным и богатым, чтобы надавать всем сдачи и доказать, что он – «самый-самый крутой».

И кто бы мог подумать, что именно так оно и случится?

В конце девяностых годов кривая карьерного роста его отца резко поползла вверх: батю неожиданно перевели из Пулкова в Большой Дом, где он за два года сделал головокружительную карьеру, пройдя путь от майора до полковника, начальника отдела. Как это обычно и случалось с питерскими силовиками, следующей ступенькой карьерного роста стала Москва. В то время представители клана питерских «фейсов» с ошеломляющей скоростью занимали руководящие кресла в госаппарате, МВД, Министерстве обороны, Наркоконтроле, входили в советы директоров крупнейших банков, нефтяных компаний и корпораций. В массовое сознание кривым ржавым гвоздем забивалась бесхитростная, а потому магически действовавшая на многих людей мысль: мол, только спецслужбы могут спасти страну от хаоса, беззакония и коррупции. Словосочетание «чекист из Санкт-Петербурга» превратилось в признак элитной касты, эдакий геральдический знак. За неполный десяток лет некогда скромный офицер-пограничник стал генерал-лейтенантом ФСБ, заняв место в десятке наиболее влиятельных людей на Лубянке, а значит, и во всей Российской Федерации.

Карьерный взлет Матюкова-старшего мгновенно отразился на статусе всей семьи. Мать Алекса, Валерия Никодимовна Матюкова, сперва поменяла прилавок зоомагазина на кабинет владелицы модного бутика на Невском, затем стала хозяйкой огромного магазина стройматериалов в Подмоскowie, следом получила солидную долю в одном из аппетитных строительных холдингов, который в скором времени не без помощи связей мужа, естественно, полностью прибрала к рукам.

Самого же Алекса все эти жизненные метаморфозы словно бы тукнули топором по нежному темечку. Его мечта стать «самым-самым крутым» сбылась безо всякого приложения каких-либо сил с его стороны – будто бы по мановению волшебной палочки. Неожиданные

резкие изменения в судьбе словно бы распахнули в его душе запертую доселе дверь, и оттуда дохнуло свежим воздухом – счастьем всемогущества.

Бывший троечник из обычной питерской школы без особого труда поступил в МГИМО, где, впрочем, появлялся лишь на сессиях. Секьюрити ночных клубов почтительно ставили у входных дверей его роскошные лимузины и спортивные кабриолеты, которые он менял раз в полгода. В этих машинах, со слов самого Алекса, перебивали едва ли не самые красивые девушки Москвы. Однако застарелый детский комплекс «доказать всем и каждому, что он не какой-то там выскочка и что ему можно абсолютно все», нередко толкал ошалевшего от вседозволенности парня на совершенно неадекватные поступки. Кокаин, на котором он давно и плотно сидел, лишь усиливал это желание.

Теперь Матюков-младший жил в постоянном сладостно-нервном кайфе, в непрерывном опьянении собственным всемогуществом и безнаказанностью. Стремление запрессовать всех противников, врагов, да и просто окружающих заставляло бурлить кровь и пьянило разум. И нередко стремление это подавляло не только здравый смысл, но и обычное чувство самосохранения.

Полгода назад Матюков-младший, нанюхавшись кокаина, решил погонять по ночной Москве на своем новом «Мазерати» и спустя полчаса сбил старика, ветерана войны, – к счастью, не насмерть. Правда, до суда дело не дошло: потерпевшему дали денег, «Мазерати» быстренько разобрали на запчасти, а сотрудников ГИБДД нейтрализовали – кого при помощи подарков и посулов, а кого – и угроз. самого Алекса отправили на лечение в элитную наркоклинику под Лондоном, где с немалым трудом отучили от наркотиков. В Москву он вернулся тихим, просветленным и задумчивым, пообещав, что «никогда больше к наркотикам не приронусь, ни-ни!». Однако не прошло и полгода, как все началось по новой: ночные клубы, кокаин, безумные гонки под кайфом и чувство абсолютной вседозволенности.

Матюков-старший, человек прагматичный, неглупый и достаточно жесткий, прекрасно понимал: время для воспитания сына упущено навсегда. Алекса было невозможно заставить задуматься о будущем, изменить образ жизни. С тем же успехом доски могли просить плотника, чтобы тот их не строгал, не пилил, не рубил, не вбивал в них гвоздей и не швырял оземь. Было очевидно: рано или поздно единственный сын вновь вляпается в какую-нибудь нехорошую историю. Именно поэтому генерал-лейтенант ФСБ на всякий случай организовал сыну и «блатной» номер «ЕКХ», и лубянский спецталон на лобовое стекло.

Мать же, как это обычно и бывает с любящими матерями, души не чаяла в единственном сыне и на все попытки генерала утихомирить Алекса обычно реагировала так: «У него такое тяжелое детство было, неужели нельзя хоть немного подурочиться? Молодой, перебесится... Неужели ты не поможешь родному сыну в случае чего?..»

...В ту ненастную ночь Матюкову-старшему почти удалось разрулить ситуацию. Инспектор ГИБДД смотрел на генерала ФСБ словно кролик на удава. «Наружных видеокамер на этой улице нет, – ласково втолковывал гаишнику Виктор Андреевич, – и никто не сможет утверждать, что женщина переходила улицу именно на зеленый сигнал светофора! А это обстоятельство значительно меняет дело... Я думаю, можно и свидетелей отыскать, если постараться». Несколько телефонных звонков, сделанных прямо из служебной «Ауди», утвердили скромного инспектора в мысли: лучше уж согласиться с версией товарища генерала, чем получить полный комплект неприятностей на всю оставшуюся жизнь. «Кстати, вы меня не видели, я сюда не приезжал, – как бы невзначай пояснил инспектору Виктор Андреевич. – Да чего я вам объясняю, вы же профессионал! А раз так, и укажите в своем протоколе, что...»

* * *

Попади Алекс в рядовую дорожную аварию, его отцу не стоило бы труда замять подобное происшествие. Один телефонный звонок. А скорее всего, дорожные инспектора и сами бы догадались, что не стоит наезжать на обладателя столь серьезного номерного знака. Пострадавшая сторона мгновенно превратилась бы в потерпевшую. Так уже не раз случалось. Но теперешняя ситуация усугублялась тем, что в автоаварии погиб годовалый ребенок, а его мать, скромная учительница начальных классов, получила тяжелейшие травмы.

Газеты, неподконтрольные властям, взвыли. Ситуация грозила обернуться жесточайшим скандалом. Причем на карту была поставлена не столько генеральская карьера, сколько репутация руководства всей Лубянки. Вскоре появился пресс-релиз столичного ГИБДД: мол, по факту наезда ведется следствие, которое займет немало времени, справедливость восторжествует, закон один для всех, просьба не паниковать. Однако это лишь подогрело скандал. История о «дьявольском «мерсе», который гоняет по ночной Москве и безнаказанно давит пешеходов, обросла жуткими подробностями и пошла гулять по блогам, твиттерам и форумам в самых невероятных интерпретациях...

Все это в корне изменило ситуацию. Теперь дело уже невозможно было спустить на тормозах. Точки над «i» должен был расставить суд. Для него «фокусники» с Лубянки придумали весьма правдоподобную версию: якобы сам Матюков-младший за рулем не сидел, его вообще в машине не было, а «Гелендвагеном» по доверенности управлял майор ФСБ, некто Алексей Базанов, совершивший наезд на женщину, которая, нахально пренебрегая безопасностью ребенка, пересекала пешеходный переход на запрещающий сигнал светофора, подвергая тем самым опасности не только жизнь своего малыша, но и водителя внедорожника. Информацию о «запрещающем сигнале» подтвердили двое очевидцев, заслуженных фээсбэшных стукачей, привлеченных генералом Матюковым в качестве «беспристрастных свидетелей». Какие именно причины заставили сына генерал-лейтенанта ФСБ доверить джип стоимостью двести тысяч долларов самому обычному оперу и почему мать с годовалым ребенком решила перебежать улицу перед носом этого самого внедорожника, следствие устанавливать не стало. К тому же судебные слушания, «ввиду причастности к гостайнам», были закрытыми. Фамилия «Матюков» упоминалась лишь в одном контексте: ее носил владелец черного «Гелендвагена», которым Базанов в ту ночь управлял по доверенности. Покалеченная женщина на суд не явилась. Она уже долгое время находилась в коме, и состояние ее, со слов врачей, было «стабильно тяжелым».

На суде прокурор, стыдливо отводя глаза, потребовал для Базанова три года условно. Адвокат пел, как Николай Басков. С его слов выходило, что во всем виновата сбитая женщина, которую следует признать виновной и обязать не только возместить ущерб, связанный с ремонтом «Гелендвагена», но и оплатить судебные издержки.

Приговор суда был вполне предсказуем: Алексея Базанова освободить от подписки о невыезде ввиду отсутствия состава преступления, иск об оплате ремонта аварийного внедорожника отклонить, однако потерпевшей все же следовало оплатить судебные издержки.

Такое решение, казалось, устроило всех присутствующих, и прежде всего Алекса, присутствовавшего на процессе в качестве свидетеля. Было очевидно: спеленавшие его пороки и дальше будут тащить Матюкова-младшего по жизни, словно гигантский парус.

Усаживаясь в отремонтированный «Гелендваген», Матюков-младший на какую-то секунду зафиксировал на ступеньках суда немолодого грузного мужчину с крепким мясистым лицом, но тут же о нем позабыл.

А зря...

* * *

Ясное сентябрьское утро дышало прохладой. Упругие волны, окаймленные мелким мусором, лениво шлепались о железную скулу небольшого прогулочного теплохода, пришвартованного у причала Северного речного вокзала.

Стоя на корме, моложавый сероглазый мужчина в неброском костюме явно кого-то высматривал на причале. Людей, желающих прокатиться по осенней Москве-реке, было немного: влюбленная парочка, мама с двумя детишками, несколько провинциалов с фотоаппаратами...

Судя по всему, человек, которого высматривал мужчина с серыми глазами, запаздывал. Тем временем матрос убрал трап, снял с носовых кнехтов швартов и ловко бросил его на причал. В темноте трюма тяжело задвигались блестящие поршни, застучала машина, мощные винты вспенили воду за кормой. Теплоход, медленно отвалив от обвешенного потертыми протекторами пирса, отправился вдоль Химкинского водохранилища. Сталинский шпиль Речного вокзала с гипсовыми скульптурами медленно уходил назад по правому борту. Прижатые в ряд прогулочные теплоходы белели внизу. Сероглазый в последний раз взглянул на берег и, подавив в себе безотчетный вздох, развернулся, чтобы идти в каюту.

– Андрей? Ну, здравствуй! – Немолодой грузный мужчина с крепким мясистым лицом поправил висящую на плече сумку и приязненно протянул руку.

– Павел Игнатьевич? Доброе утро. А я уже думал, что вы не придете.

– В нашем деле главное правило – прийти на встречу пораньше и проследить, чтобы не было лишних глаз и ушей, – веско произнес тот.

– Вот я и поднялся на палубу за полчаса до отхода катера.

– А я – за сорок две минуты. Во-он там сидел и за тобой наблюдал.

– На этот раз вы меня переиграли! – сдался Андрей. – Пойдемте вниз?

– Зачем? Погода хорошая, последние ясные деньки, – прищурился Павел Игнатьевич. – Давай вот на этой скамеечке присядем, на свежем воздухе. И вообще, водный транспорт мне в последнее время все больше и больше нравится. Никаких тебе пробок, никаких спецномеров, мигалок и талонов на лобовом стекле, никаких правительственных кортежей... Догадываешься, почему я о мигалках заговорил?

– Догадываюсь, – вздохнул Ларин. – И в свое оправдание могу только сказать, что так получилось.

– Получилось... – нервно дернул щекой Дугин.

– Не оставлять же было девушку на раздербан бешеному милиционеру. Ей бы срок вlepили.

– Я понимаю, чем ты пытаешься оправдаться перед самим собой. Благородный поступок, человеколюбие. Тогда почему ты бродячих кошек по всей Москве не собираешь, а?

– Не сыпьте соль на раны, – криво улыбнулся Ларин. – Виноват, исправлюсь. Лучше объясните, что потом произошло. Какого черта милиция ко мне в квартиру ломилась? Не из-за этой же девчонки они приперлись. Я «хвост» не привел, голову на отсечение могу дать. Случился провал в нашей организации?

– Твоя голова мне еще понадобится. – Дугин следил за волной, уходившей назад по каналу от водного трамвайчика. – Провала не было. Ты сам себя сдал.

– Не пойму, про что вы... Вы подозреваете меня, Павел Игнатьевич?

– Нисколько, иначе бы на встречу не пришел. Все случилось до обидного просто. Вспомни, в тот самый день в твоём дворе из машин магнитолы украли.

– Вспомнил. И какая связь?

– Самая прямая. Вор с тех машин, где стекла разбил, все отпечатки своих пальцев тряпкой стер, следствие зацепки лишил. Тут криминалист, светлая голова, дельную штуку придумал. Мол, возможно, вор, прежде чем грабить, проверил и другие машины во дворе – ручки на дверках подергал, вдруг не заперто. Ну и сняли отпечатки пальцев со всех машин, с твоей тоже. В компьютер их загрузили. Догадываешься, какой ответ база данных выдала?

– Да уж, – вздохнул Ларин. – Пластическая операция может лицо изменить, а вот «пальчики» – никогда. Представляю радость следователя, когда он увидел свежие отпечатки, которые совпали с «пальчиками» Андрея Ларина, бывшего наро-фоминского опера, который три года тому назад сгорел в пожаре на зоне, где отбывал наказание. Я бы тоже попытался взять «ожившего мертвеца» с уголовным прошлым. И что теперь?

– Кое-что мне удалось замять, – поспешил успокоить Андрея Дугин. – Теперь твои отпечатки в базе данных заменены на чужие. А досадное совпадение списано на сбой в системе опознания. Повезло, что следователь тоже принадлежит к нашей организации. Знай он изначально, кто ты такой, не попытался бы взять тебя. Но иногда конспирация показывает нам и свою обратную сторону... Ладно, проехали и забыли. Что у тебя с девчонкой?

– Ничего, она мне в дочери годится, – поспешил ответить Ларин.

– Я не об отношениях ваших. Я о дальнейших планах.

– Она пока у меня на даче живет...

– Знаю я это и даже знаю, о чем вы по вечерам говорите, – скривился, как от зубной боли, Дугин.

– Если надо, могу ее прямо сегодня на поезд посадить и домой в Питер отправить.

– Она про тебя слишком многое узнала, поняла, что ты не такой, как все. Лучше ее под контролем какое-то время подержать. Пусть поживет на даче, а там видно будет. Все, тема закрыта. Пока закрыта.

Прогулочный пароходик, оставляя за собой бурлящий пенный след, медленно полз на северо-восток. Острый форштевень уверенно резал воду. Ветер мелкой рябью царапал ртутные волны, гулко хлопал тентом над палубой. Вдоль левого борта проплывал тронутый осенним золотом сквер. От берега тянуло влажной прелью и дымками костров. Все это будило лирическое настроение, навевая подспудные мысли о пикниках, шашлыках и «очей очарованье».

– Жаль, что по образованию я всего лишь российский мент, а не японский поэт, – вздохнул Андрей, поглядывая на берег. – Иначе бы обязательно написал стихотворение на осенние мотивы, какое-нибудь элегантно хокку. Про величие природы и быстротечность воды, несущей в океан никчемный мусор.

– «По нашей реке три дощечки проплывают. Вспомнилась мать», – улыбнулся Павел Игнатьевич, симпровизировав хокку в парафраз популярной частушки. – Ладно, Андрей. У нас тут интересное дело намечается, а поскольку ты уже добровольно записался в ряды феминисток, протестующих голыми сиськами за отмену спецномеров, пропусков-«вездеходов» и мигалок, то тебе сам Бог велел этим делом заняться, – с этими словами он извлек из сумки ноутбук и раскрыл его. – Про дело Матюкова ты, надеюсь, знаешь?

– «Дьявольский» «мерс»? Не более того, что можно отыскать в Интернете.

– И что ты вообще об этом думаешь?

Андрей прищурился.

– Если бы я был реакционером, тоталитаристом, мракобесом, членом правящей партии или быдлом с водкой, кайфующим от зомбоящика, я бы сказал, что все это происки врагов России, всевозможных экстремистских сил и деструктивных элементов. Мол, раздувают скандал на ровном месте, издеваются над нашими славными органами с исключительной целью их дискредитировать. А заодно – и всю нашу страну. Но так как я еще не научился думать, скажу иначе: от всех этих уродов, катающихся с мигалками по встрече и строящих кокаиновые дорожки на капотах своих «мерсов» и «Бентли», я давно уже испытываю судорожный

зуд в мозгу. Скажу даже больше: они и есть самые страшные враги нашей страны, потому что именно они ее и дискредитируют.

Павел Игнатьевич включил ноутбук, предупредительно положив его на колени собеседника.

– У меня тут по Матюковым кое-что появилось. Только не спрашивай про источники – у нас везде свои люди. Тут и документы, и фотоснимки, и видео. Сейчас у тебя такой зуд мозга начнется, что двумя руками чесаться будешь, и несколько недель подряд...

Глядя на Павла Игнатьевича Дугина, невозможно было себе и представить, что он возглавляет, ни много ни мало, мощнейшую и отлично законспирированную тайную структуру. В отличие от большинства подобных организаций, она не ставила целью свержение действующего режима с последующим захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, притом исключительно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры составили те честные офицеры МВД, которые еще не забыли о таких старомодных понятиях, как «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы державы». Однако одиночка, сколь бы благороден он ни был, не в состоянии искоренить тотальную продажность властей. Тем более что коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на шоссе дежурную взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную мзду. Коррупция в России – это стиль жизни и питательная среда обитания...

Начиналось все несколько лет назад, как обычно, с самого малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю ретивость и порядочность, влиятельный силовик Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в центральном аппарате МВД открывала самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», этих честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще...

Заговор – это не обязательно одеяла на окнах, зашитая в подкладку шифровка, подписи кровью на пергаменте и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог успешной работы любой тайной организации – полное и взаимное доверие. И такое доверие между «заговорщиками» возникло сразу же.

Вычищать скверну законными методами оказалось нереально. Та же «собственная безопасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность судов и, самое главное, – низменные шкурные интересы значительной части российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы куда более радикальные, вплоть до физического уничтожения наиболее разложившихся коррупционеров. Точечные удары вызывали у разложенцев естественный страх, количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что смерти эти далеко не случайны. Слухи о некоей тайной организации, своего рода «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились, и притом не только в Москве, но и в провинции. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим фактором страха, чем сами акции устрашения.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди сидели, знал лишь Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла только одно звено, да и то ненадолго: так у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Самому же Андрею Ларину, бывшему наро-фоминскому оперативнику, бывшему заключенному ментовской зоны «Красная шапочка», бежавшему из-за колючей проволоки не без

помощи Дугина, отводилась в законспирированной системе роль эдакого «боевого копья». И, как догадывался Андрей, – далеко не единственного. Таких «копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего наро-фоминского опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного опыта у Андрея имелось достаточно, чтобы быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. Природного артистизма, чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до губернатора, – тоже. О профессиональных навыках можно было и не говорить: все, причастные к тайной антикоррупционной структуре, проходили полный курс занятий по стрельбе, спецвождению, компьютерной безопасности и даже прикладной химии.

...Прогулочный пароходик, с трудом развернувшись на фарватере, теперь шел обратно метрах в двадцати от берега. Басовитый густой звук двигателя постепенно распадался на прерывистый рокот, напоминавший стук крупнокалиберного пулемета. Андрей Ларин внимательно смотрел в монитор ноутбука. Информация поразила его до глубины души – однажды губы невольно вылепили крепкое непечатное словцо.

– Что еще имеешь сообщить? – поинтересовался Дугин с подчеркнутым безразличием.

Ларин закрыл крышку ноутбука.

– Даже не знаю, что и сказать. Но, как мне кажется, дело тут не в этом малолетнем уроде. Точнее – не только в нем. Папа-гэбист, прокурор-мерзавец, подонок-судья, – Андрей принялся загибать пальцы, – профессиональные лжесвидетели из ГИБДД... Тут целая икебана с фэн-шуем из подлецов, сволочей и жуликов. По сути, все эти люди – непосредственные соучастники преступления. Кстати, а этот гэбэшник майор, Базанов, или как там его... Ради чего он взял на себя чужую вину? Тут такое дело, что одного генеральского приказа явно недостаточно. Такое признание дорогого стоит!

– Если ты берешься за это дело, то именно с Базанова и следует начинать, – веско продолжил Павел Игнатьевич. – Я по своим каналам кое-что выяснил. Обычный опер из областного управления, недавно переведен в Москву, звезд с неба не хватал, ни взысканий, ни поощрений на службе не имел. Ну, несколько благодарностей, юбилейные медальки медно-никелевого сплава... Словом, все как у всех. Ему через три недели на пенсию. Я тоже сначала был удивлен, но тут всплыло одно весьма интересное обстоятельство: оказывается, Валерия Никодимовна Матюкова берет его в свой строительный холдинг инспектором по безопасности. Эту должность, кстати, специально для него и придумали. Триста тысяч рублей зарплаты, к тому же масса бонусов и льгот. Уверен, что это плата за лжесвидетельство. Мне кажется, начинать следует именно с него как самого слабого звена во всей цепочке. Но не забывай, однако, что этот чекист, Базанов, пока что не бывший; он все еще числится в штате Лубянки, хотя в мыслях уже распрощался с ней.

– Бывших комитетчиков не бывает, – улыбнулся Андрей. – Как не бывает и бывших проституток. Но у меня свое мнение насчет очередности. Базанов далеко не самое слабое звено.

– Я только посоветовал. Выбор приоритетов остается за тобой. Для меня, как ты знаешь, главное – результат.

Тем временем прогулочный пароходик пришвартовался у причала. Матросы со стуком опустили сходни. Андрей Ларин предупредительно пропустил вперед себя Павла Игнатьевича.

– Исходную информацию получишь по обычным каналам, – бросил Дугин, не оборачиваясь, и, заметив, что спутник о чем-то задумался, спросил: – Что-то не так?

– Допустим, всех этих мерзавцев, включая судью, лжесвидетелей и папу-«фейса», мы с вами накажем по жесткому варианту, – медленно проговорил Ларин, как бы размышляя вслух. – Но как же тогда с остальными? Сколько таких вот уродов с «блатными» номерами и мигалками катается только по Москве, сколько их детей, внуков, племянников, любовников и любовниц... Всех наказывать – никакой жизни не хватит!

– А всех и не надо, – мягко улыбнулся Павел Игнатьевич. – Достаточно одного случая. Но сделать это следует жестко и показательно, максимально наказать всех фигурантов, чтобы остальные постоянно пребывали в напряжении – мол, завтра нечто подобное может произойти и с ними. Беснаказанность развращает, а абсолютная беснаказанность развращает абсолютно. Вот нам с тобой их и следует наказать, чтобы остальным неповадно было. Или я не прав?

Глава 4

Павел Игнатьевич Дугин оказался абсолютно прав. Судебный процесс, где Александр Матюков проходил лишь в качестве свидетеля, и особенно приговор, по которому подчиненный отца, взявший на себя вину, был оправдан, окончательно укрепили Алекса в его полнейшей безнаказанности. Его жалкая душонка, давно уже сгнившая, теперь окончательно преисполнилась гордости из-за своей якобы исключительности. Матюков-младший понимал: соверши он любое преступление – убийство беременной, изнасилование ребенка, даже теракт с сотнями жертв, – папины связи и мамины деньги позволят ему и в следующий раз избежать наказания. Пока шел суд, отец не подпускал его к машинам и делал все, чтобы пресечь употребление наркотиков. Алекс все это время, за вычетом тех немногих случаев, когда ему приходилось навещать судебные заседания в качестве свидетеля, находился под домашним арестом в одном из загородных домов, принадлежавших его семье. Однако сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит. Алекс сумел-таки обойти наложенные на него ограничения. Знакомый дилер прямо в суд подогнал ему отличного кокса, и притом не обычную бодягу для лохов, разведенную сахарной пудрой, а «настоящего колумбийского». Этот «подарок» Алекс, усыпив бдительность родителей, употребил не сразу. Партию порошка, расфасованного в небольшие пакетики, он рассовал буквально по всему дому, поскольку знал манеру отца время от времени устраивать сыну личный досмотр с выворачиванием карманов и сниманием носков. За те дни, пока длился суд, «Гелендваген» Алекса был не только отремонтирован, но и во многом преобразился. По желанию хозяина его тюнингвали. Теперь «дьявольский «мерс» украсился мощным титановым «кенгурятником», по его корпусу вдоль подножек протянулись усиленные титановые же трубы, дуги прикрывали крышу и стойки. Таким образом Алекс хотел предохранить свою недешевую тачку от будущих повреждений. Такая конструкция, однако, оставляла открытым вопрос: что окажется прочнее при следующем столкновении – фонарный столб или машина?

Вечером после суда Алекс отправился в любимый клуб, где собирался оттянуться по полной. Это удалось в полной мере. Было все: танцевальная релаксация, длинноногие подруги и полное ощущение эйфории. К двум часам ночи генеральский сынок ощутил в себе спонтанный позыв погонять по ночной Москве на отремонтированном «Гелендвагене». Это было нечто сродни условному рефлексу: после дозы кокаина Алекса всегда тянуло за руль. Правда, на этот раз спутницы для ночных гонок не нашлось, и Матюков-младший отправился проветриться один.

Ни милицейские пикеты, ни патрульные машины ГИБДД не смутили ночного гонщика: «блатные» номера и лубянский спецталон на лобовом стекле заставляли патрульных стыдливо отворачиваться даже при самых грубых нарушениях дорожных правил. Угловатый капот мерседесовского внедорожника швырял под себя все новые и новые километры. Свет фар рассекал темную перспективу дороги. Редкие попутные машины недостаточно быстро жались к обочине, и Алекс уже всерьез подумывал, как бы «раскрутить» отца на мигалку.

Он и сам не заметил, как миновал МКАД и очутился на каком-то незнакомом периферийном шоссе. Восток уже розовел рассветом, и необъятное зарево ночной Москвы постепенно растворялось в зыбком предутреннем свете. Мощные динамики наполняли салон энергичными ритмами рэпа. Перед глазами молодого человека вновь закрутился гигантский калейдоскоп, неотвратимо ускоряясь в движении, волшебные узоры постепенно сливались в дьявольском ритме в одно огромное светящееся пятно, однако вскоре фантастическое видение пропало, уступив место холодной чернильной мгле.

Съезжая на обочину, чтобы вновь зарядиться кокаином, Матюков заметил на противоположной стороне пустынного шоссе какого-то мужчину. Стоя у края трассы, он то и дело голо-

совал изредка проходящим машинам. Мужчина был одет в куртку апельсинового цвета, которая сразу напомнила Алексу жилетку, бывшую на жестоком амбале из «МАЗа» – том самом...

Воспоминание о недавнем унижении, помноженное на ненависть «к этому быдлу», сыграло с Матюковым-младшим злую шутку. Ощущение своей полнейшей безнаказанности, лишь усиленное постнаркотическим синдромом, провоцировало желание немедленно задавить голову.

А чего, собственно, стесняться?

Ближайший ментовский пикет находился в трех-четырех километрах. Никаких видеокамер на таких трассах обычно не ставят – это генеральский сынок усвоил из рассказов папы. Случайных свидетелей тоже не наблюдалось – вокруг лишь лес, да машина на Москву раз в десять минут проходит. Мужчина в оранжевой куртке слишком сосредоточен на своем занятии и потому вряд ли ожидает неприятностей.

Несколько раз вдохнув белый кристаллический порошок через коктейльную соломинку, Алекс вывернул руль, проехал метров семьсот за поворот, развернулся в сторону Москвы и тут же притопил педаль газа. Страшный черный внедорожник с негромким и агрессивным урчанием помчался по пустынной трассе. Конусы фар выхватили из полутьмы силуэт с призывно поднятой рукой. Матюков довольно хмыкнул и миллиметровым доворотом руля взял чуть вправо, однако в последний момент, будто бы испугавшись, зачем-то нажал на тормоз. «Гелендваген» дернулся, словно пришпоренный конь, пронзительно взвизгнула резина по асфальту, человек на обочине так и не успел отскочить. Гулкий звук удара, короткая вибрация по всему корпусу, мгновенный взмах руки в слепящем свете фар...

Спустя несколько километров внедорожник выкатил на оживленное шоссе. Только теперь убийца испугался по-настоящему. Вдавливая педаль газа в пол, он гнал, не разбирая дороги: подрезал попутные грузовики, проскакивал в узкие просветы между машинами и обгонял, обгонял... Он остановил внедорожник лишь перед МКАДом. Вышел из машины, опасно взглянул на передок... На усиленном бампере с правой стороны расплывалось небольшое кровавое пятно. Кроме него, никаких других следов дорожного убийства не наблюдалось.

И тут в кармане Алекса задребезжал телефон. Звонила мать, Валерия Никодимовна. Голос у нее был встревоженный.

– Ма, вот взяла и опять разбудила! Я же тебе еще вчера говорил, что у своей девушки ночевать буду! – нарочито-сонным голосом произнес он, едва поздоровавшись. – Нет, нет, в клубе лишь часик побыл, потом сразу к ней. Да, да, сегодня в институт, у меня семинар. Что? Да зачем волноваться, я же вам со стариком пообещал: больше никаких ДТП с моим участием не будет. Неужели ты мне не веришь?

И тут Алекс различил звук приближающегося мотоцикла. Он прикрыл микрофон трубки ладонью, чтобы мать, не дай бог, не услышала рева мотора. Ведь для нее он находился дома, а не на трассе.

– Вот же кретин, ненавижу байкеров, – прошептал молодой человек, вглядываясь в приближавшегося мотоциклиста. – Схлестнулись бы мы с тобой на дороге, в кювет улетел бы.

Байкер явно сбавлял скорость. И это выводило Алекса из себя. Ведь мать уже тревожно кричала в трубку:

– Ты чего мне не отвечаешь? Я что, со стенкой разговариваю? Почему ты мне врешь? Ты не с девушкой. Что это за шум? Отвечай сейчас же!

– Телевизор работает, – сказал Алекс, на пяток секунд приоткрыв микрофон. – Со мной все в порядке. Вернусь завтра днем. И вообще, у меня батарея садится.

Он поднялся и, поскольку обе руки у него были заняты, принялся махать ногой, чтобы байкер не вздумал останавливаться, а проваливал восвояси. Но тот и не собирался следовать совету. Мотоцикл уже остановился. Байкер в черном шлеме с забралом несколько раз звучно газанул, явно дразня Матюкова-младшего.

– Да уберешься ты, урод, или нет? – не выдержал и крикнул Алекс.

Из-за пригорка на дороге блеснули фары. Темный микроавтобус перевалил самую высокую точку и нырнул по шоссе вниз. Слепяще-белые фары облили «Гелендваген» и мотоцикл. Алекс даже прикрыл глаза ладонью. Байкер обернулся, некоторое время выжидал, а затем, убедившись, что появившаяся машина сбавляет скорость и берет вправо, сорвался с места и унесся по ночному шоссе. Микроавтобус резко затормозил, поравнявшись с «Гелендвагеном». Алекс пытался рассмотреть, кто же приехал. Створка двери отползла в сторону. Две пары сильных рук схватили молодого наркомана и втащили внутрь. Он не видел, кто именно похищал его. В салоне было темно, и его тут же бросили физиономией на заднее сиденье и придавили.

Молодой мужчина с невыразительным лицом вышел из микроавтобуса, вытер тряпкой кровь с бампера «Гелендвагена», аккуратно сложил ее и сунул в карман куртки.

– Поедешь за нами, – донеслось из микроавтобуса, и дверца закрылась.

Мужчина сел за руль «Гелендвагена», и оба автомобиля покатили к Москве.

* * *

Столицу по праву называют мегаполисом – ведь это самый большой город в Российской Федерации. Есть официальная статистика, в которой численность населения назовут с точностью до одного человека. Но этой статистике никто не верит, даже в самой мэрии. Истинных цифр не дано знать никому. Как и во всяком большом городе, в Москве идет не только явная, но и тайная жизнь, недоступная социологам. О ней можно лишь догадываться и строить предположения. Миллионы нелегалов уже давно заполонили Москву. Они вроде бы есть, их видишь на улицах, на строительных площадках. Но в то же время их не существует.

Москва для всех разная. Одной ее видят туристы, приехавшие в город лишь за тем, чтобы полюбоваться на достопримечательности да потратить привезенные с собой деньги. Другим город видится его коренным обитателям. Они могут месяцами не бывать в центре, изо дня в день созерцая однообразные пейзажи по дороге на работу и домой.

Только приезжим кажется, что Москва вся насквозь пропитана бешеным ритмом деловой жизни. Что люди толпами носятся по улицам, а автомобили постоянно торчат в пробках. Все это присутствует, но лишь местами. А между дорожными заторами и толпами пешеходов существуют сонные островки, попав на которые можно подумать, что время внезапно начинает течь раз в пять медленнее, чем на Тверской или на Ленинградском проспекте. Есть такие островки даже в самом центре столицы.

Никто толком не знает, откуда пошло название района, прилегающего к самому Кремлю, – Китай-город. Если в Нью-Йорке или Сан-Франциско Чайна-таун называют кварталы, населенные китайцами, то к Москве это никакого отношения не имеет. О китайцах в шестнадцатом веке в Москве еще и слыхом не слыхивали. Обживали эту землю в разное время разные люди. Сперва купцы, мастеровые и городская беднота. Потом ставились здесь первые московские фабрики. Так что к концу двадцатого века во многих районах столицы возникла разношерстная и невыразительная застройка. Ярких памятников мало, туристам делать здесь ровным счетом нечего. Полюбуются остатками Китайгородской стены, пожмут плечами – и снова в гул, в сутолоку центральных улиц. А ведь место козырное и, главное, тихое. Теперешний российский бизнес – если, конечно, он не является продолжением государства и не представляет крупную западную фирму – не любит выставлять себя на всеобщее обозрение. Невразумительные вывески, неброская архитектура фасадов... Вот и обосновались многочисленные офисы богатых, но не выставляющих себя напоказ компаний в перестроенных на современный лад особняках тихого района – Китай-города.

Головной офис строительного холдинга, принадлежащего Валерии Никодимовне Матюковой, «АРА-М», стоял на самом берегу Яузы. Тут не сновали прорабы в строительных кас-

ках, не появлялись на пороге у экономистов рабочие в робах, не проводились классические планерки, где бы ставились задачи по рытью котлованов и доставке раствора. Все это происходило в конторах низовых подразделений – на окраине города, за Кольцевой. В кабинетах четырехэтажного особняка в Китай-городе шелкали калькуляторы, тихо гудели кондиционеры и кулеры компьютеров. Тут обосновалась верхушка холдинга, допущенная к святой святых – к распиливанню средств, к обналачиванию, к раздаче откатов. Здесь же на последнем этаже располагался и кабинет хозяйки Валерии Матюковой. Одно окно выходило на Москву-реку, второе смотрело во двор памятника промышленной архитектуры второй половины девятнадцатого века – небольшой фабрички по окраске шерсти. Вид этого «архитектурного безобразия» в центре Москвы Матюкову раздражал. Она никак не могла понять причин, по которым пяток одноэтажных бараков был объявлен памятником. По ее мнению, строения давно пора было снести, а на их месте возвести офисное здание или, на худой конец, доходный жилой дом с огромной подземной автостоянкой. Именно по этой причине окно, смотревшее в ту сторону, Матюкова держала за закрытыми жалюзи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.